

ДМИТРИЙ ТРОЦКИЙ

ДАРЖ



Дмитрий Троцкий

АРК

«Издательские решения»

Троцкий Д.

АРК / Д. Троцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503036-8

Документально-фантастический роман, главным героем которого является Аркадий Стругацкий. События происходят в СССР, в эпоху от сталинского ГУЛАГа до горбачевской перестройки. Борьба двух сил, спецслужб при поддержке люденев против Стражей Разума, приведет к рождению нового мира. Но за это придется заплатить высокую цену.

ISBN 978-5-00-503036-8

© Троцкий Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	46

АРК

Дмитрий Троцкий

Дизайнер обложки Алексей Провоторов

Редактор Светлана Баженова

Редактор Вячеслав Кутепов

Редактор Рикардо Дель Тави

© Дмитрий Троцкий, 2019

© Алексей Провоторов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3036-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Wenn du lange in einen Abgrund blickst,
blickt der Abgrund auch in dich hinein.
Friedrich Nietzsche «Jenseits von Gut und Böse»*

Москва, 1991 год

Подступала смерть. Давно. Тихо. Мучительно. Но страха не было. Сделал всё, что мог. Осталась только пустота. Бесконечная усталость. И абсолютное безразличие.

Как и все последние дни, ссутулившись, сидел в кресле, уставившись в одну точку. В голове ни единой мысли. Иногда, если кто-то тревожил, и вновь приходилось возвращаться в реальный мир, то смотрел с удивлением на себя со стороны. Неужели ты еще здесь? Зачем?

Когда заезжала дочь, приносила продукты, потом, после, подолгу с неудовольствием ощущал тот далекий запах жизни, который она приносила с собой. Иногда звонил телефон. Старался не брать трубку. Но, понимая, что молчание принесет еще больше беспокойства в виде назойливых посетителей, нехотя отвечал.

Прошло уже почти пятьдесят лет с тех пор, как смерть пришла впервые. Порою, в последние годы, когда еще что-то имело смысл, задумывался: а правильно ли сделал тогда, выбрав жизнь? Затем долго стыдился минутной слабости и вновь брал себя в руки. Продолжал работать.

Теперь время вышло.

Вздыхнув, поправил очки и тяжело поднялся с кресла. Вышел на лоджию, закурил. Был теплый осенний день, светило солнце. Но все вокруг казалось каким-то тусклым, серым, будто покрытым слоем пыли. Струйка сигаретного дыма словно пыталась скрыть туманом унылые бетонные коробки домов. Бесполезно. Курить не хотелось, было скучно.

Медленно шаркая тапочками, отправился в спальню. Все-таки есть своя прелесть в тишине и одиночестве. Хотя бы на время. Столько же шума в жизни. Столько людей. Столько страстей. Столько работы. Столько боли.

Первое, что увидел, войдя в спальню, это – глаза. Те самые, которые еще в детстве показали путь и подарили надежду. Маленькие, упрятанные под седыми бровями, тем не менее, казалось, они занимают собой всю комнату, весь мир, всю вселенную. А затем, словно бы отовсюду и ниоткуда зазвучал Его голос:

– Ну здравствуй, Арк...

Глава 1

Ленинград, 1942 год

– Тихо, Бобка, отец пришел.

Аркаша отложил книгу и, стараясь не шаркать по полу валенками, тихонько подошел к комнатной двери, покрытой облупившейся белой краской. Рядом тенью возник младший брат. В коридоре гулко звучали голоса родителей.

– Последний эшелон завтра. Как не бился, но дают только два пропуска. Надо принять решение. На раздумья времени нет.

Голос отца – отрывистый, гулкий, скрипучий. Слова выговаривал он с трудом. Мать ответила так тихо, что ребята еле расслышали:

– Мы ведь уже все обговорили. Едешь ты и Аркаша. Боря дорогу не перенесет, а я его не оставляю. У вас больше шансов остаться в живых.

– Ты понимаешь, что это верная смерть? Ты это понимаешь?

– Как-нибудь... как-нибудь, – устало прошелестела она.

Отец помолчал, затем предложил:

– Давай так, поедете вы с Аркашей, а я с Бобкой здесь перезимуем.

– Натан, не надо, сам знаешь, меня без тебя не отправят. Эвакуируют только сотрудников библиотеки, и – счастье, что нашей семье выпало еще одно свободное место. Спаси Аркашу. На большее и не надеюсь.

Аркаша осторожно выглянул наружу сквозь узкую щель. В военной шинели, бородатый, высохший и посеревший от голода, отец стоял перед матерью, чуть покачиваясь – сил не было. Его когда-то густые темные волосы поредели и выцвели, вымерзли. Лицо матери – бескровное, и сама – словно тень.

А Натан сейчас, как в книге, читал в глазах любимой жены обреченную грусть. Отведя взгляд, молча развернулся, ушел к себе в комнату.

Мальчик прикрыл дверь. Он повернулся к брату и прошептал:

– Бобка, ты слышал?

– Вы с папой уезжаете.

– Я не брошу тебя здесь одного. Мы должны что-нибудь придумать.

– Аркашенька, что? Мест-то всего два.

– Скажу отцу, что никуда без тебя не поеду. Пусть забирает маму, а мы с тобой вдвоем тут останемся. Будем кошек ловить, да и карточки у нас есть, так? – перечислял он, загибая зяблые пальцы. – Ну и я что-то заработать смогу.

– Да ведь недавно последнего котенка уже съели. Помнишь, маленького? Он сам от голодадох, мне весь палец сгрыз, пока его домой нёс.

Аркаша отошел подальше от двери и поманил брата за собой, ближе к окну, покрытому светомаскировкой. Жарко зашептал на ухо:

– А я слышал, что на соседней улице несколько домов разбомбило. Людей выселили. И там, у одной тетки, целая кошачья стая в квартире жила. Говорят, мяв до сих пор стоит. Нормально, до весны дотянем.

– Опять ты придумываешь...

– И ничего не придумываю, глупый, мне сосед наш, Игорь, сказал. Но он один туда идти боится.

– Почему?

– Так ведь, людоеды. Схарчат самого раньше, чем доберешься. А втроем – дело верное.

– Откуда ему знать?

В этот момент в дверь постучали, вошла мать. Первая зима с начала войны ужасно составила её, хотя та и пыталась следить за собой. Не опускала рук сама и не давала другим спуску. Тихим, но бодрым голосом скомандовала:

– Так, ребята, одевайтесь и сходите с отцом за водой.

Бобка робко спросил:

– Мама, скажи, а правда, что...

Но мать прервала его, сверкнув глазами:

– Разговоры потом, понятно?

Тот опустил плечи и прошептал:

– Да, мама.

Тут же обняла младшего сына, прижав к себе, и сказала, укрывая в старую серую шаль, висевшую на понурых плечах:

– Всё будет хорошо. Теперь у нас всё будет хорошо, Боренька. Иди, одевайся и помоги папе. Договорились?

На улице мороз стоял под тридцать градусов. Да и в квартире – ненамного теплее. Спасала лишь старенькая «буржуйка», служившая одновременно и плитой, когда было что приготовить. Но теперь это случалось очень и очень редко.

Спали в одежде, по квартире ходили в валенках. Канализация не работала. Электричество отключили. Отопления и воды тоже давно не было. Чтобы выйти нарубить дров в обгоревших развалинах или в полынье ближайшего водоема набрать ведро воды приходилось натягивать все теплые вещи, какие были в доме.

Братья, угрюмо молча, утеплялись как могли. В дверях комнаты их уже ждал отец, который внимательно вглядывался в лицо Бобки.

Утром следующего дня родители ушли на работу. Аркаша пытался наладить оптику в самодельном телескопе. Бобка сидел на диване и перечитывал «Войну миров». Дома было стыло, тихо. Лишь глухо гудела на кухне «буржуйка», да в одной из комнат, где во время первых же бомбежек выбило все стекла, завывала метель. Еще недавно там лежала «пеленашка», как теперь выражались в городе: завернутая в тряпки, словно в саван, мертвая бабушка. Она умерла от голода, и Бобке казалось, что по ночам её обледеневшие руки тянутся к его горлу. Вернувшись к февралю из ополчения, отец вместе с Аркашей отвез её на санках в соседний двор. Трупы складывали штабелями, гора росла день ото дня.

Входная дверь внезапно открылась. Ребята выглянули в коридор. Словно на эшафот, медленно и с отяжкой ступая по скрипящим половицам, мимо них прошел отец.

С его шинели сыпались хлопья не успевшего растаять снега. Аркаша ощутил исходящий от Натана Залмановича запах разложения, как в старом кладбищенском склепе, куда они забрались случайно с ребятами, еще до войны. Молчание становилось все тягостнее.

Выйдя из своей комнаты с вещмешком за плечами, отец также медленно подошел к детям. Потрогал за чем-то на шее свой кулон в виде дельфина, взял стоящий рядом рассохшийся фанерный стул и тяжело опустился на него. Долго сидел, глядя в пол. Затем вытер лицо рукой и поднял глаза на старшего сына.

Тот почувствовал побежавшие по телу мурашки, а в груди что-то словно взорвалось. Показалось, будто в глазах отца мерцает нечто такое, чего ему, в силу возраста, не следовало видеть. Это было больше, чем отчаяние. Сильнее бесстрашия. Глубже смерти и дальше жизни. С небес спустился ангел-смертник, готовый ко всему. И этой бездне – невозможно не подчиниться. Отец резко встал, приказав:

– Одевайся.

Аркаша бросил быстрый взгляд на Бобку, но тот лишь покачал головой. Грустно усмехнувшись, младший вернулся на диван и вновь принялся за книгу.

Словно в тумане, Аркаша натягивал на валенки калоши, укутывался в тёплое, брал свой вещмешок и выходил из комнаты. Ощущение нереальности происходящего не покидало. Он даже не обнял брата напоследок. Лишь в дверях квартиры, сквозь ватный сумрак, услышал за спиной голос отца и замер:

– Бобка, возьми наши карточки и отдай матери. С ними вы протянете до весны. Скажи ей, что мы не могли уже ждать. Ска...

Слова оборвались. Наступила тишина. А потом Аркаша ощутил толчок в спину и вздрогнул от грохота захлопнувшейся двери.

Сталинград, 1937 год

– Так, ну что же, товарищ Стругацкий. Давайте знакомиться. Меня зовут Кнопмус Юрий Альфредович, специально прибыл из Москвы, дабы решить вопрос с вашим делом.

Хозяин кабинета, встав из-за стола, подошел и протянул руку. Стругацкий поднялся со стула, ответил на крепкое рукопожатие, внимательно глядя в собеседника.

Лицо Кнопмуса, в целом, можно было бы назвать непримечательным: прямой нос, морщинистый лоб, тонкие губы, выбрит наголо. Лицо как лицо, в целом.

Но две черты привлекали внимание. Во-первых, вытянутые скулы. Такие он видел на гравюрах у древних восточных мудрецов, хотя ни разу не встречал – во время гражданской войны ни у одного китайца. И, во-вторых, глаза. Маленькие, пронзительные, глубоко посаженные. Казалось, они смотрят не на тебя, и даже не в тебя, а будто бы в другое измерение.

– Что вы так разглядываете меня, Натан Залманович, – поинтересовался Кнопмус, – словно перед вами новое воплощение Будды?

Стругацкий смутился.

– Простите, Юрий Альфредович. Видимо, это было бестактно с моей стороны.

– Извинения приняты. Итак, если позволите, стану говорить начистоту. – Кнопмус прошелся по кабинету, затем вернулся к столу, обитому зеленым сукном. Взяв пачку папирос, закурил и продолжил. – У нас есть полное право завтра же поставить вас к стенке.

Стругацкий попытался вскочить, но Кнопмус положил ему руку на плечо и усадил обратно.

– Сидите, слушайте и не перебивайте. Отвечать будете, когда я о чем-либо спрошу.

Он подошел к шкафу, набитому канцелярскими папками, достал одну из них. Вздохнув, открыл и начал листать бумаги.

– Хм. Ну, это ерунда: «Препятствовал повышению культурного облика сотрудников краевого исполкома». А формулировка-то изящная, экий шельмец состряпал! Каким же образом «препятствовали», Натан Залманович? Привязывали к стулу, в музей не пускали?

– Отказал крайкомовским нахлебникам. Перестал выдавать бесплатные билеты в театр и на концерты, – хмуро ответил Стругацкий. – Детдомавцам они нужнее.

– Я, собственно, не сомневался в чем-то подобном, но уточнить стоило.

Кнопмус вернулся за стол. Затушил окурочек в массивной пепельнице, продолжил изучать документы.

– А вот это уже серьезно: «Восхвалял церковного художника Андрея Рублева, призывая учиться искусству живописи у него, а не у передовых советских художников, преданных идеям партии и товарищу Сталину». Как вам? Или вот: «Утверждал в спорах, что великий советский композитор Исаак Дунаевский – „щенок“ по сравнению с царскими композиторами Чайковским, которого подозревают в педерастии, и Римским-Корсаковым. Также, не раз возвышал талант старорежимного писателя Льва Толстого над гением Николая Островского, автора настоящего патриотического романа „Как закалялась сталь“. В разговорах часто критикует и другие проявления в современном советском искусстве».

Чуть наклонив голову, поднял на Стругацкого свои маленькие горящие глаза под густыми бровями, заметил:

– Не находите, Натан Залманович, писал человек не со стороны – кто-то из ваших друзей. Так вот, батенька, это уже антисоветская агитация, как минимум. Станете отрицать свои слова?

– Не привык сомневаться в людях, с которыми работаю, с которыми дружу, уж простите. Зато как старый большевик, прошедший гражданскую войну научился всегда говорить в лицо то, что думаю. Вред партии и делу Ленина-Сталина приносят не те, кто указывает на ошибки и недочеты, а те, кто с утра до ночи поют хвалебные оды.

– Знаете, Стругацкий, я бы сказал, что вы дурак, и дурак опасный, кабы сам не думал также.

Натан Залманович с удивлением посмотрел на Кнопмуса.

– Да, да. Чему удивляетесь? По-вашему, нынче в органах только идиоты и садисты остались? Нет, товарищ Стругацкий. Хотя пока это к делу не относится. Теперь вот что, – Кнопмус закрыл папку, снова встал и начал медленными шагами мерять кабинет, плавно, но решительно подчеркивая каждую мысль взмахом одной руки, заложив вторую за спину, – в партии вы не останетесь.

Стругацкий гневно взглянул на него, хотел что-то сказать, но Юрий Альфредович резко оборвал:

– Я ведь сказал, молчите и слушайте. В партии вы не останетесь. Получите понижение в должности, затем отстраним от работы. Перебирайтесь тихонечко в сторону Ленинграда. Сидите там тише воды, ниже травы. Не высовываться, языком не болтать, во всех разговорах не забывать упоминать величие и мудрость товарища Сталина, даже среди родных и близких. Это понятно?

Стругацкий сидел в молчаливой прострации. Кнопмус забрал со стола дело, закрыл его в шкаф. Достав из кармана элегантный брегет, поглядел на циферблат. Затем, повернувшись к Натану Залмановичу, сказал, убирая часы:

– Давайте заканчивать. Ваша задача: продолжайте заниматься искусством, устройтесь в хорошую библиотеку, пишите статьи или монографии, как угодно. Возьмите этот медальон и не снимайте его, – он протянул серебристый Стругацкому кулон в виде дельфина. – По нему, наши люди в любой ситуации узнают и придут на помощь. И еще. Прочтите вот это и запомните наизусть, здесь список интересующих нас тем, все по вашей специальности.

Он взял со стола небольшой листок бумаги, протянул Стругацкому. Тот прочитал несколько раз и вернул его обратно. Юрий Альфредович чиркнул спичкой, поджигая бумагу. Остатки кинул в пепельницу, добавив тихо:

– Зная ваш характер, еще раз повторю, не высовывайтесь. И берегите сыновей. Лет через пять мы встретимся, сами скажете мне спасибо.

– За то, что исключили меня из партии? Это вряд ли.

– А нет уже никакой партии, милейший Натан Залманович. Лет десять, как нет. Пока вы этого еще не понимаете. Но поверьте, очень скоро поймете и не обрадуетесь этой правде.

Москва, 1984 год

Черт меня дернул тащиться в Москву под новый год. Да, надо было отказаться, но словно магнитом, тянуло к одному человеку, на встречу с которым очень рассчитывал по старой дружбе.

Легенда.

Гений.

Аркадий Стругацкий.

Закончив редакционные мелкие дела, стоя на улице в телефонной будке, мерзлыми пальцами крутил металлический диск.

– Аркадий Натанович? Приветствую вас. Это Полоцк беспокоит.

– А, Илан, старик, рад тебя слышать. В столице необъятной сейчас, аль у себя, прозябешь?

– В Москве, в Москве. Вот в гости хотел напроситься, пустите?

– По делу или просто потрепаться?

Я набрался наглости и вывалил:

– И по делу тоже.

В трубке ехидно хихикнули:

– Ну что, цена входного билета тебе известна. Три... нет, ладно, как старому приятелю, две... бутылки коньяка. Приезжай, адрес, надеюсь, помнишь?

У меня словно крылья выросли. Жаль не выклянчил перед отъездом в редакции годовую премию, ящик бы купил. А так, посчитав скромные финансы, двинулся в магазин и, прихватив пару бутылок отличного армянского коньяка, принялся ловить машину.

Ехали из центра, по заснеженным московским улицам, на Проспект Вернадского, а я вспоминал первую нашу беседу в уютном домике писательского заповедника в Юрмале. Шофер пытался дружелюбно балагурить, но я, погруженный в свои мысли, отвечал невпопад, и тот, наконец, замолчал.

Заскочив в подъезд, по привычке достал «кирпич» «Романтики», проверил: «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять». Проиграл запись, все работало отменно. С облегчением вздохнув, направился к нужной двери.

На пороге стоял улыбающийся хозяин, в спортивном костюме и тапочках:

– Молодец, что так быстро. Давай, заходи.

Я отряхнул от снега ноги и зашел в квартиру. Когда Аркадий Натанович закрыл за мной дверь, с улыбкой открыл дипломат, вынул коньяк и протянул ему.

Каково же было моё удивление, услышать вместо «Ну, Илан, угодил», или хотя бы «Отличный коньяк, пойдем дегустировать», совершенно бессвязное бормотание и видеть, как этот великий человек, суется, бегает по квартире, будто жена застукала его с любовницей.

Наконец, он нашел свой кошелек и с извинениями протянул четвертак:

– Старик, прости, ну неужели ты не понял, что это шутка?

Настала очередь смущаться и выкручиваться мне.

– Аркадий Натанович, оставьте, какие деньги? Этот коньяк я давно припас для нашей встречи, вы просто угадали, так что не обижайте деньгами и примите от всего сердца.

Стругацкий заулыбался и, помогая мне раздеться, пояснил:

– Понимаешь, это дежурная, столичная, так сказать, шутка в общении с прессой. Думал, ты знаешь.

Показал рукой на кухню.

– Так, проходи, сейчас немного согреемся, поболтаем, а потом уже делами займемся.

Из монументального холодильника он достал салями, лимончик, поинтересовался:

– Голоден? Есть обалденные свиные отбивные, буквально вчера в магазине выбросили.

Я помотал головой, и Аркадий Натанович снял с полки пару хрустальных «пузанов». Разлив по фужерам, мы чокнулись и пригубили янтарный напиток.

– Ну, а теперь рассказывай, чем обязан радости видеть тебя.

Немного помявшись, решил ответить честно:

– Хотелось бы опять интервью взять, поговорить о ваших новинках, творческих планах, но раз не сильно сейчас отвлекаю, то для начала... не для печати, разумеется, вопрос, который занимает меня лично. Вам не кажется, что грядут большие перемены? Что-то происходит

последнее время странное, а вот понять, что именно, не могу. Что-то буквально витает в воздухе...

Стругацкий словно враз постарел и сгорбился.

– Почему ты решил поговорить об этом именно со мной?

Опешив, я растерянно промямлил:

– Ну как же... ваши книги... еще в «Хищных вещах» помню... и сейчас, в «Жуке»... почти везде ведь... мне казалось, вы эксперт в подобном...

Смутившись окончательно, замолчал. А Стругацкий, грустно ухмыльнувшись, вновь плеснул нам коньяка и вдруг прошептал:

– Поверь, о том, как и почему начинаются *настоящие* перемены почти никто и никогда не догадывается. А корни их уходят ох как глубоко...

Куйбышев, 1937 год

В кабинет первого секретаря обкома Постышева заглянул охранник и доложил:

– Павел Петрович, прибыл маршал Тухачевский.

– Одну минуту, – ответил тот нарочито громко, – сейчас я закончу и приму Михаила Николаевича.

Дверь закрылась. Постышев молча стоял у окна, с неизменной папиросой в зубах в облаке табачного дыма. Сухощавый и подтянутый, как всегда, но серый цвет лица уже выдавал безмерную усталость от всех тех лихих партийных лет, что остались за плечами. Слушал, как громко, словно отбивая набат, стучат огромные напольные часы. На миг почудилось, что время застывает, заканчивается и все вокруг превратилось в блеклую фотографию. Отгоняя навязание, чуть дернул чубастой головой, глубоко затянулся. Закашлял в усы – махорка едкая, с гражданской привык к ней, нынешний табак не переносил, баловство сплошное. Затем перхал вслух:

– Ну вот и все. Спектакль начинается.

В приемной, у стены на стуле сидел Тухачевский, покачивая ногой в такт какой-то своей, внутренней музыки. Его большие, навывкате глаза смотрели вверх, рука подпирала волевой подбородок.

Маршал удивлялся, с чем связана задержка, но не с охраной же об этом говорить. В конце концов, он тут человек новый, второй день только. Надо разобраться для начала в оперативной обстановке. Да и вряд ли надолго придется остаться. Сталин лично пообещал, что скоро вернет его в Москву.

Тяжелая дубовая дверь приемной распахнулась из коридора, и вошли трое. Первый – мужчина в форме старшего майора госбезопасности. Он держал перед собой на вытянутой, дрожащей руке какую-то бумагу. Лоснящееся жиром лицо покрывала испарина. За ним насторожено ступали еще два чекиста, держа правые руки в карманах. Майор остановился за несколько шагов до маршала и спросил:

– Михаил Николаевич?

– Да, а в чем дело?

Услышав привычно-командный голос маршала, толстяк еще больше побледнел, но все же ответил:

– Вот ордер товарища Ежова, вы арестованы.

Тухачевский вскочил и схватился за револьвер. Майор завизжал, словно свинья, от страха. Проворно, для своего телосложения, перепрыгнул через стол охранника и, пригнувшись за ним, крикнул отшатнувшимся в стороны помощникам:

– Да чего вы стоите, стреляйте, стреляйте же!

Грохнули два выстрела, оба мимо. Из стены полетели куски бетона, посыпалась штукатурка.

А Тухачевский вдруг медленно поднял пистолет к виску и нажал спусковой крючок.

Чекисты боязливо приблизились к упавшему на пол телу. Из головы маршала шла кровь: пуля лишь прошла по касательной. Раненый уже приходил в себя.

– Он жив, товарищ Попашенко, – сказал один из них.

– Так вяжите его, сейчас ведь встанет, черт, и всех тут положит. Быстрее, болваны!

Те рьяно набросились на лежавшего, орудуя рукоятками пистолетов, словно кастетами. Тухачевский пытался отбиваться, но только еще больше разозлил нападавших. Войдя в раж, они стали бить его и ногами.

– Хватит, хватит, – сказал Попашенко, поднимаясь из-под стола и поправляя форму, – наденьте на него наручники.

Уже чувствуя себя более уверенно, подошел к маршалу, наклонился. Не с первого раза, но сорвал знаки различия.

– Вы арестованы, – повторил, – вас проводят.

Помощники подхватили пленника под руки и вывели.

...Заняв небольшой кабинет в здании парткома, двое чекистов гримировали синяки у переодетого в гражданское Тухачевского. В темном углу, почти сливаясь с обстановкой, сидел невзрачный на вид мужчина, молчавший все это время. Внезапно он сказал:

– Оставьте нас.

Сотрудники, козырнув, безропотно вышли. Хлопнула дверь, и мужчина поднялся со стула. Подойдя вплотную, поинтересовался у арестованного:

– Есть ли какие-то просьбы, пожелания личного характера?

Тухачевский молча смотрел в пол. Налитые кровью глаза полыхали адскими кострами ярости. Незнакомец присел перед ним на корточки и взял рукой за подбородок. Маршала перевернуло от отвращения.

– Я понимаю, как тяжело проигрывать, Михаил Николаевич. Но вас, считайте, больше нет. Гарнизон даже не узнает о происшедшем, пока не выведем на суд. А дальше будет поздно.

Мужчина похлопал себя по карманам серого пиджака, достал маленький браунинг и протянул маршалу:

– Кажется, застрелиться хотели? Пожалуйста. Возможно, для всех это будет наилучшим выходом. Или, к примеру, застрелите меня. Но это станет не самым разумным поступком, в таком случае вас просто обвинят в убийстве. Берите, Михаил Николаевич, берите. Хотя... я понимаю ваше молчание. Первый раз, на кураже, стреляться не сложно. Второй раз нормальный человек уже не сможет, – он убрал в карман оружие и добавил, – а на сумасшедшего вы не похожи. Ну что же, тогда послушайте и хорошую новость. Хозяин дает вам шанс спасти хотя бы родных. Серго его упробил. Придет время, и условия объявят. А мы с вами еще встретимся на Лубянке. Моя фамилия – Еремеев.

...Постышев сидел в кабинете и с тоской оглядывал окружающее убранство. За годы гражданской войны он привык к неудобствам. Землянки, нищие деревенские хаты, промерзшие кабинеты, где все было строго функционально и аскетично.

Почему-то вот эти огромные тяжеловесные часы, стоявшие напротив стола, выбивали его из колеи. За дверьми кабинета слышался шум, выстрелы. А Павел Петрович думал лишь об этих чертовых часах. В голове пульсировала кровью одна и та же странная мысль: «Время вышло. Вот только – чье?»

Он, кряхтя по-стариковски, поднялся. Подошел к стене, где висела карта округа. Отстраненно посмотрел на нее, затем встряхнулся и резко задернул шторами.

«Расклеился как баба. Нужно что-то предпринимать. Но что именно?» – подумал было секретарь Куйбышевского обкома, и тут отворилась входная дверь. Шарообразный начальник

местного управления НКВД, старший майор Попашенко выглядел немного помятым, смущенным.

– Разрешите, товарищ Постышев?

– Входите, Иван Петрович, – Постышев усмехнулся, – ну как вам арестовывать маршалов? Понравилось?

– Порядок, Павел Петрович, – майор снял фуражку и вытер со лба пот, – взяли мы его все-таки. Он ведь как? Сопrotивление хотел оказать, палить начал. Ну, мы-то, натурально, ответный огонь открыли. Так он что? Застрелиться, значить, решил.

Постышев неподдельно удивился:

– Тухачевский стрелял по вашим сотрудникам и не попал?

– Профессиональная подготовка, как учит нас, понимаешь, товарищ Ежов.

– Орлы, орлы. Сталинские соколы, – прищурившись, проговорил Постышев, внимательно вглядываясь в округлые женские черты лица ненавистного ему майора.

«А ты ведь сдрейфил, Попашенко. Сильно сдрейфил. Не знаю, что там у вас случилось. Просто по роже твоей свинячьей вижу, как до сих пор от страха трясешься».

Вслух же спросил:

– Где сейчас Михаил Николаевич?

– Мои ребята его это, в гражданское переодевают. Синяки, значить, рихтуют. Надо чтобы, понимаешь, все пока тихо было. Коли увидит вражину кто ненароком, – жди беды.

– Побыстрее заканчивайте. Сажайте в машину и дуйте напрямиком в Москву, – жестко отчеканил Постышев. – В пути глаз не спускать, максимальная охрана. И сделайте так, чтобы его и вправду никто не увидел, пока он на нашей земле. Не хватало нам только для полного счастья солдатского бунта.

Финляндский вокзал—Борисова Грива, 1942 год

Поезд стоял под парами. Едва они успели вскочить в вагон, как состав резко дернулся и медленно двинулся прочь из осажденного города.

Аркаша сел на свободную скамейку. Хотел посмотреть в окно, но оно заледенело, не отскребешь. Какое-то странное предчувствие жило в нем, будто покидает этот город навсегда.

На Финляндском вокзале, после того как их пропустил кордон охраны, в дорогу дали немного хлеба. Теперь Аркаша сжимал заветную пайку в варежках. Голод когтями рвал живот не первый месяц, и есть хотелось всегда. Но сейчас его охватила какая-то апатия.

Бобка и мама остались далеко позади, в другом мире. Он остро чувствовал вину, особенно перед Бобкой. Как можно было уехать без брата? Бросить в этом страшном мертвом городе? Аркашу начало знобить. Отец присел рядом, обнял и сказал:

– Замерз? Подожди, сейчас надышат в вагоне, станет немного теплее. Да и ехать то нам до Борисовой Гривы от силы часа три. Скоро будем на Ладого.

– Это не тот холод, папа... Это – другое.

Отец помолчал, прижал покрепче.

– Из всех возможных решений выбирай самое рациональное. Сегодня по-другому нельзя.

– Если бы ты выбрал не самое рациональное, а самое доброе решение...

– ...то к весне мы все умерли бы от голода.

Это была жестокая правда. Умом Аркаша это понимал. Но ощущение гадливости от самого себя наваливалось тяжким грузом.

Паровоз полз медленно, натужно хрипя струями черного дыма. То и дело останавливались, обычно посреди поля. Там рыли большие траншеи, куда без разбора бросали тела пассажиров, не доехавших до конечной станции.

По стенкам вагонов начинался стук. Снаружи кричали:

– Трупы есть?

Иногда кто-то с трудом поднимался, оттаскивая своих соседей, умерших в дороге, к дверям. Покойников принимали чьи-то крепкие руки, и состав медленно двигался дальше.

После долгого молчания Аркаша, наконец, решился задать вопрос, который его мучил всё это время:

– Пап, почему тебе дали только два места на эвакуацию? Почему мы не могли уехать все? Ведь вагон полупустой, поместились бы и мама, и Бобка.

– Задумайся на мгновение, – тихо ответил отец, – сколько в Ленинграде осталось детей? И не просто детей. Сирот, у которых умерли от голода и холода родители. У которых все полегло на фронте. У которых все сгнули во время бомбежек. Десятки тысяч. И неужели ты считаешь, что те, кому повезло оказаться в детском доме, а не умереть на улице, питаются там пряниками и конфетами? Они, как и все мучаются от дистрофии. Мы о такой болезни до войны и не слышали...

– Но ведь Бобка же такой маленький, – перебил его Аркаша, – и места бы много не занял.

– Дослушай меня. Тут дело не только в том, есть место или нет. Он слишком слаб, чтобы перенести дорогу, как и тысячи сирот в приютах, о которых я говорил.

– Но разве он так плох, что не мог бы ехать с нами тут, в поезде?

– погоди сынок, это только начало, ты еще не представляешь, что будет дальше, – он помолчал и, привычным жестом поправив рукой кулон на шее, добавил, – возможно, что как раз мы с тобой сделали неверный выбор, и надо было остаться в городе, не слушая ничьих советов.

К концу дня разговоры в вагоне стихли. Изредка кто-то начинал тихонечко стонать, или почти беззвучно плакали дети.

Несколько раз останавливались надолго, пережидая бомбежки и артобстрелы. Иногда над поездом на бреющем полете проносилась вражеская авиация, раздавались грохочущие пулеметные очереди. При звуках летящего самолета люди уже привычно пригибались, чаще просто падали на пол.

Некоторые потом не вставали.

До Ладожского озера удалось добраться только спустя почти два дня. За это время мороз в обледенелых вагонах, которые в мирное время цепляли летом к пригородным поездкам, успел собрать свою жатву.

Еды не было. Пайка, которую беженцы получали на вокзале, давно уже кончилась. Младенцы, плакавшие в начале пути, замолкали навсегда.

Слабые не выдерживали.

Лишь тот, кто зубами цеплялся за жизнь и был готов бороться и дальше, собрав всю свою волю, все силы в кулак, имел призрачные шансы выбраться из ада.

Оглядев почти опустевший вагон, Аркаша понял, почему так мало с ними детей. Наверное, у них в блокадном Ленинграде и вправду больше шансов.

Москва, 1942 год

– Неужто такие небожители спустились в нашу скромную обитель? Я думал, что вас уже расстреляли, милейший Юрий Альфредович.

Начальник 4 Управления НКВД Мельников позволял себе весьма специфические шутки, но те, кто с ним работал давно, привыкли к этому.

Правда сейчас, в кабинете на Лубянке, напротив него сидел не подчиненный, а один из самых таинственных людей, о которых было принято говорить лишь шепотом. Да и не знал никто толком ничего, одни лишь слухи.

А вчера поступил сверху приказ. Выяснилось, что «Хранитель», как за глаза называли Кнопмуса, идет, казалось бы, на обычное, пусть и сложное задание, которое можно поручить любому квалифицированному разведчику.

Мельников не понимал происходящего, потому и пытался шутить.

– Собственно, Николай Дмитриевич, это не стало бы для меня проблемой. Расстрелять можете хоть сейчас. Вы, наверное, в курсе, что некоторые уже пытались. И в курсе, чем это закончилось. Но вернемся к нашим делам.

Кнопмус протянул запечатанный сургучом конверт хозяину кабинета.

– Итак, Лаврентий Павлович просил поставить в известность: необходимо усилить гарнизон, охраняющий известный вам спецобъект, войсками НКВД. Это по вашему профилю. Тут – данные о периметре. И еще. Я привез обещанный подарок для маршалов. Вручите лично.

– Ну давайте уже, хвастайтесь, я весь внимание.

– Взгляните, – сказал Кнопмус и достал из плащ-палатки новейшей разработки, с двухсторонним камуфляжем, маленькую коробочку, – пока, правда, только два экземпляра.

Мельников трепетно положил ее на крупную мозолистую ладонь, открыл крышку. Внутри лежало два серебристых кулона.

– А почему в виде растений?

– Не просто растений, Николай Дмитриевич. Вербена и рута. Хотя вам вряд ли о чем-то это скажет.

Начальник разведки взял в руки одну из веточек.

От серебристых соцветий ток пробежал по ладоням, запястьям и выше. Закружилась голова и на мгновение подступила тошнота. И тут же, резко, сознание неимоверно расширилось, и из глубин Вселенной пришло ощущение собственного безмерного могущества. Все слабое человеческое покинуло тело. Он готов был рушить горы и создавать цунами, вызывать засуху и творить всемирный потоп.

Но вдруг пришел холодный мертвенный свет, затопивший все перед глазами, и словно презрительно усмехнувшись, вдруг исчез, забирая всю силу. На мгновение показалась луна, но тоже пропала.

Остались лишь полумрак кабинета и скуластый собеседник.

– Страшная сила, Юрий Альфредович, – прошептал Мельников.

– Пробирает?

– Да.

– Положите на место и не трогайте больше. Штука опасная, засасывает, поверьте.

С трудом, преодолевая себя, Мельников вернул медальон в шкатулку и закрыл её.

– Всё-таки партийная дисциплина великое дело, – заметил Кнопмус. – уберите и забудьте. Сами знаете, что это не для вас. Но я рад, что смогли справиться с искушением, не каждому дано.

Он по-свойски взял со стола хозяина кабинета папиросу и спички, закурил.

– Еще такой момент. В моё отсутствие будете контактировать с Зафаэлем, знаете его?

Мельников кивнул.

– Ну и славно. Настоятельно прошу выполнять все, подчеркиваю, все просьбы, какими бы странными они не казались. Лаврентий Павлович вас проинформировал?

– Юрий Альфредович, вы меня обижаете. Разве я когда отказывал Хранилищу в чем-либо? Да и потом, директива мне спущена, все просьбы-требования Зафаэля будут в приоритете, не сомневайтесь.

Он тяжело вздохнул и словно прыгнул в омут.

– Меня сейчас другое беспокоит, – сказал Мельников, покручивая задумчиво в руках шкапулку, – вы уж простите, но стоит ли кому-то такую вещь отдавать? Я не спрашиваю, почему себе их не оставили, но – Жукову? Рокоссовскому?

Кнопмус холодно посмотрел на Мельникова.

– Хотите проиграть войну?

– Да ведь не в этом дело, – воскликнул тот, – дело в несоизмеримой мощи прибора. Под силу ли человеку справиться с ним? Не случилось бы повторения истории с Тухачевским.

– Мои люди держат под контролем ситуацию, не волнуйтесь, – заверил Кнопмус. – К тому же, прибор ограниченного действия, задача его исключительно тактическая. А стратегия, как и всегда, остается за нашим вождем и учителем, великим Сталиным.

– Мы здесь одни и кабинет не прослушивается, так что можете без этого обойтись.

– Я не понимаю, о чем вы.

Они помолчали. Мельников хмуро глядел на Кнопмуса, тот безмятежно развалился на стуле и разглядывал его своими маленькими глазками, как занятное насекомое под микроскопом.

Понятное дело, что комиссар государственной безопасности не привык к подобному обращению.

– Не доверяете?

– Я не доверяю никому, – нарочито серьезным тоном, будто диктор на радио, сказал Кнопмус. – Практика показывает, что тот, кто вчера был другом, завтра оказывается врагом и предателем. Не замечали?

– Что ж, ладно. Не хотите откровенно говорить...

– О какого рода откровенности идет речь, товарищ Мельников? У нас с вами есть работа, которую нужно выполнять. Мы солдаты партии, не более того.

Пытаясь скрыть неловкость ситуации, Николай Дмитриевич начал копаться в лежащих на столе документах.

– Не доверяете. Что ж, воля ваша. Тогда пройдемся по маршруту, – найдя планшет, развернул на столе карту с многочисленными пометками. – В первую очередь отправитесь в Вологду, где под видом врача предстоит...

Дорога Жизни, 1942 год

Шофер им попался молодой, злой, неумелый. Подгоняя беженцев матюгами, он грозился посадить всех, если они не поторопятся – надо выполнять план. Наконец тронулись.

Машины шли колонной, и их грузовик, который постоянно глох, в итоге едущие сзади сдвинули с дороги бортами.

Дул ледяной ветер.

В открытом кузове Аркаша понял, насколько все-таки было хорошо в вагоне поезда. Казалось, что ветер продувает тебя насквозь, унося с собой последние остатки тепла.

Когда мотор все-таки удалось завести, водитель повел грузовик в обход основной колеи, которую проложили для машин. Но в сумерках, видимо по неопытности, заблудился, угодил в полынью.

Вокруг быстро прибывала вода, колеса буксовали. От испуга все попрыгали за борт, оказавшись по пояс в ледяной воде.

– А ну-ка, скидавай вещи, скотобаза, – заорал из кабины шофер, – сейчас потонем все к хренам собачьим.

– Ох, ведь дростанул-то малый, – зло сплюнул справа от Аркаши какой-то мужик. – Бойтся под трибунал попасть, сволочь криворукая.

– Язык попридержи, – сквозь зубы ответил ему трясущийся от холода Натан Залманович, – на этих машинах каждый день сотни жизней спасают. А кому баранку крутить? Все давно на фронте. Вот и берут...

– Я чё сказал, живо вещи за борт! – снова закричал шофер.

Люди, плача, полезли в кузов выкидывать свой нехитрый скарб – то единственное, что смогли вывести из блокадного города.

– Ну а ты, пархатый, фигли стоишь? Вещи скидывай, – шофер вылез из кабины и теперь смотрел, насколько глубоко они застряли, – глухой что ли?

– У нас только вещмешки, – глухо ответил отец.

– Не нажил, значить? – Водитель хмыкнул. – Тогда давай за борт берись и толкай, не стой как статуя.

Выбросив вещи, начали толкать. Проку от этого было не много: обтянутые кожей скелеты с трудом передвигались сами. Вытащить машину казалось для них непосильной задачей.

Но все же воля к жизни была сильнее слабости тела. Под стоны пассажиров и визг буксующих колёс – выбралась из полыньи.

Медленно двинулись в сторону далекой цепочки огней.

Вскоре мокрая одежда покрылась мелкими ледышками. Люди жались друг к другу, пытались хоть как-то согреться.

Беженцы в кузове молчали, сберегая тепло. Лишь рвано гремел в ночи мотор полуторки, да заупокойно завывала вьюга.

Через полтора часа их, полумертвых, выгрузили на станции Жихарево. Многие уже не могли идти, и работники эвакуопункта на руках снимали людей с кузова, унося в бараки.

Несколько тел так и осталось лежать в грузовике, застыв, словно ледяные статуи. На них никто даже не оглянулся.

Москва, 1937 год

Его уже перестали бить. За эти несколько дней поняли, что бесполезно. Он упорно молчал и, несмотря на показания соратников, отрицал всё.

Единственный раз зло усмехнулся про себя, когда въезжали ночью в распахнутые ворота Лубянки: «А Сталин не обманул. Вернул-таки меня в Москву».

Главное – не знал, чего ждать еще. Арестованы все, с кем планировали заговор против спятившего тирана. Все, кому доверял и кого ценил.

Сам пыток не боялся, как не боялся и смерти. Но обидно было до слез, что так бездарно проиграна главная битва.

Еще с раннего детства – не видел иной цели, кроме карьеры военного. Армия была для него жизнью. И он сам был душой армии.

Он был – воплощение устава. Он был – воплощение тактики и стратегии. Он был – воплощение храбрости. Он был – командир, за которым беспрекословно шли даже на смерть.

И вот теперь, сидя в камере, напряженно думал: «Где же ты мог ошибиться, битый-перебитый маршал? Неужели это просто интриги Ежова? Но тогда откуда показания всех тех, с кем готовили переворот? Почему так точно угадано время ареста? Что вообще происходит?»

Ответов не было, начинал злиться на себя все больше и больше. Единственное, что его всегда раздражало, так это собственное непонимание поставленной задачи. Будто и не офицер, а деревенщина, не знающий с какой стороны за винтовку братья.

...Тот, кого звали великим учителем и вождем народов, был пьян. Такого не случилось уже много лет, он не позволял себе ни малейшей слабости, но сегодня...

Сегодня же отчетливо понял, что армии нет. Его руками уничтожен весь цвет командования, все те, кто пришли на волне революции.

«А что важнее: лояльность или сила?»

Налив еще вина, молча уставился в окно своей дачи. Охрана не одобряла, когда Иосиф Виссарионович отодвигал тяжелые шторы, хотя сам Сталин прекрасно понимал: организовать покушение могут лишь такие, как Тухачевский или Уборевич. Никаких неведомых «врагов народа» нет и быть не может.

«Скоро война. А ты, какие бы не пели трусливые лизоблюды панегирики, не Наполеон. И теперь остался лишь один выход – идти к дьяволу на поклон».

Привычно поискал на шее амулет и не найдя тяжело вздохнул. Затем, сняв трубку внутренней связи, приказал:

– Пригласите ко мне товарища Кнопмуса.

... В комнате у следователя Еремеева, доставившего его из Куйбышева, были плотно занавешены шторы. На столе – лампа с изогнутой ножкой – единственный источник света.

Но это не имело значения. На что тут смотреть? Везде одно и то же. Стол, два стула, шкаф, на стене портрет Дзержинского или Сталина, не более того. Разница лишь в мелких деталях.

Поэтому, пропуская мимо себя происходившее вокруг, просто уставился на выключатель лампы, сосредоточив все мысли на нём.

– Вы, я вижу, не слушаете меня, гражданин Тухачевский?

Он молчал.

Еремеев встал из-за стола, обогнул и присев на краешек, достал из нагрудного кармана кителя маленький листок бумаги. Показал арестанту. На нем было лишь одно слово, а вернее, имя: «Суламифь».

Насладившись ошеломленной реакцией, убрал обратно. Любой чекист знает, нужно ковать железо пока горячо. Маршал *потёк*.

И следователь, без паузы, наклонившись к лицу, глядя прямо в глаза Михаилу Николаевичу, зло зашипел:

– Неужели думаешь, гаденыш, что у нас нет против тебя методов? Мне сразу стало ясно, что побои бессмысленны, но начальство требовало. А я вот знаю, как заставить тебя говорить. Не веришь? Знаю, знаю.

Спрыгнув со стола, подошел к двери, открыл и крикнул:

– Заходите, гости дорогие!

Тухачевский обернулся. В комнату вошли трое рослых мужчин в форме и Она.

Она. Его жизнь, его душа, единственная, кого он любил всегда и ни разу не предал. Единственная, ради кого всегда шел вперед и побеждал.

Самая лучшая.

Самая-самая.

Доченька.

Светочка.

Попытался рвануться со всей своей медвежьей силой со стула, но мордороты набросились на него и удержали. Сковали наручниками руки и ноги.

Все трое остались стоять наготове рядом, крепко сжимая бывшему маршалу плечи. А Еремеев подошел к его хрупкой, такой еще юной, доченьке и внимательно посмотрел на нее.

Затем взял девочку рукой за подбородок. По щекам ребенка катились слезы.

– Михаил Николаевич, а цветок то созревает, а? Не находите? Как думаете, вероятно, в целях воспитания стоит сейчас спуститься вниз, приковать вас к решетке, чтобы не буянили, а эти молодые люди объяснят Светочке все о настоящей любви. Как вам такая перспектива?

– Уведите дочь, тогда поговорим, – хрипло ответил.

– Вот и славно. Отпустите его и уведите ребенка, но ждите пока за дверью, вы можете понадобиться, – приказал следователь.

Затем повернулся к узнику:

– И о чем же вы хотели поговорить?

Дверь захлопнулась. Тухачевский слотнул, и решился.

– Я подпишу все, что требуется.

– Нет, дорогой мой, всё не надо. Пока мне нужны лишь показания о подготовке переворота.

– Не было никакой подготовки. Но я уже сказал. Подпишу все. Что я немецкий шпион, что я готовил покушение на Сталина, что я убил Кирова, что я срывал пятилетку. Все, что хотите. Просто диктуйте. Одно лишь условие. Света должна быть освобождена.

– Вот этого гарантировать не берусь. По закону, как дочь врага народа, она будет сослана. Но могу обещать другое: ни на этапе, ни в лагере ее никто не тронет. Думаю, как человек умный, сами прекрасно понимаете, жизнь вам не сохранят, не смотря ни на какие показания. Поэтому, единственное что остается, так это верить мне на слово и точно следовать указаниям.

«Ну вот и все. Надеялся хоть честь сберечь. Не вышло. Эх, Серго, Серго, почему же ты не пошел с нами? Неужели не понял еще, что вчера – Мироныча шлепнули, сегодня – меня, а завтра и твой черед настанет. Ну ладно. Спасибо, что предупредил заранее, я был готов к сегодняшнему спектаклю. Теперь главное – моя малышка. Настало время предавать, настало время унижаться. Пусть. Пусть. Главное – она. Главное – дочь».

Еремеев подошел к столу, достал из ящика чистый лист бумаги, пододвинул Тухачевскому вместе с пером и чернильницей.

– Пишите.

– Что писать?

– Я уже сказал, пишите все об организации заговора.

– И я вам говорил, мне об этом ничего не известно. Но моя дочь у вас в заложниках, поэтому диктуйте что угодно, собственноручно все запишу и подпишу.

Следователь задумался. Выходило не так, как планировали с наркомом Ежовым, но ведь главное – результат? Побарабанив пальцами по столу, он, прищурившись, посмотрел на арестанта и решился.

– Хорошо. Пишите следующее...

ст. Жихарево—Вологда, 1942 год.

На станции Жихарево тех беженцев, которые еще могли ходить сами, распределяли по баракам. Перед этим вручали каждому буханку хлеба и котелок с горячей, обжигающей кашей.

Чудом выбравшиеся из ада люди с жадностью набрасывались на еду, с нетерпением спеша в помещение, прочь от трескучего мороза.

– Эй, новенькие, – кричали в бараке мужики, сидевшие у печки, – к огню-то с холода не лезьте, сосуды полопаются, кони двинете.

– Сволота, устроились где потеплее, место потерять боятся, – ворчали прибывшие, но в конфликт не вступали. Забирались на ближайшие свободные нары, чтобы продолжить трапезу. Ветра нет – и то счастье.

Аркаша ел и ел. Он чувствовал, что ему становится только хуже, но удержаться не мог.

– Сынок, пожалуйста, кушай помедленнее, – говорил дрожащим голосом отец, но сам при этом судорожно впивался цинготными зубами в хлеб.

Да и никто не мог остановиться.

Через несколько часов наступила расплата. И нужники, и снег вокруг бараков окрасились кровью. Началась повальная дизентерия от столь обильного для доходяг угощения. А нужно было отправлять эшелоны с беженцами вглубь страны, подальше от линии фронта. Но несчаст-

ные не могли даже дойти до состава. Кто-то уже умер, кто-то был слаб настолько, что не имел сил самостоятельно подняться. Измученные морозами, голодом, а затем и болезнью, люди все же погрузились в вагоны, и поезд отправился дальше, в сторону Вологды.

Аркаша сам дотащил отца волоком. Он даже не помнил, как ему это удалось.

Дрожали от слабости ноги, иногда кровь начинала течь под брюками. Не было времени дойти до туалета, эшелон готовился к отправке.

Наконец, оба с трудом забрались внутрь и почти сразу уснули.

Наутро, проснувшись в промерзшем вагоне, Аркаша обнаружил, что их попросту забыли снабдить дровами. Печка есть, а топить нечем. «Теплушка», в которой спасались тридцать душ, превратилась в «холодушку».

Вдобавок, никто и не думал в дороге кормить несчастных: дизентерийный состав как-никак, всё одно впустую продукты переводить.

Хотели попробовать собирать хворост во время стоянок, но не знали, насколько долго те длятся.

Ослабшие люди были бы не в силах добежать даже до ближайшего вагона, если состав тронется. А отстать от состава – верная смерть: ни продуктовых карточек, ни вещей, многие без документов.

Да и железнодорожные пути вокруг теперь стали девственно чисты – топлива не хватало, собиралось всё до последней ветки. Значит, чтобы достать дрова, нужно было уходить далеко от поезда.

Голодали. Замерзали. Засыпали – и не просыпались...

– Аркаша, – прошептал отец сиплым голосом, – ты не спишь?

– Не сплю, папа.

– Сынок, у меня спина примерзла, помоги.

Парень снял варежки и обмороженными скрюченными пальцами начал отковыривать отцовскую шинель. Ногти ломались, руки тряслись от слабости, но он упорно продолжал скрести костяшками наледь.

Наконец, со стоном отец отвалился от стены, с трудом подняв голову, и мутным взором обвел вагон.

– Почему тебе никто не помог? – прохрипел он.

– Наверное, спят все.

– Спят они... спят... как же... толкни вон того, – кивнул головой отец.

Аркаша, держась за стену трясущегося вагона, подошел к сидевшему на скамейке исхудавшему, с виду когда-то крепкому, мужчине. Голова его склонилась к груди, рот чуть приоткрыт. Казалось, ну что тут, просто задремал человек. Но изо рта не шел пар, хотя это ведь ни о чем еще не говорило...

Паренек потряс его как можно сильнее за плечо. Тот повалился на пол в той же позе, которой сидел, словно манекен из магазина. Еле успел отскочить в сторону, чтобы не придавило.

– Буди всех, – приказал отец, – трясси, проверяй, кто еще жив. Нам сейчас каждый нужен.

С трудом удалось растолкать какую-то женщину, и с её помощью дело пошло немного быстрее.

Через полчаса оказалось, что в живых в вагоне осталось пятнадцать человек. Они бездумно, равнодушно, словно куклы, сидели кто где.

Молчали.

Аркаша посмотрел на отца. Тот собрался, прокашлявшись, кивнул сыну.

– Товарищи, – обратился к выжившим Натан командирским голосом, как обращался к бойцам во время гражданской, как обращался к ополченцам, с которыми еще недавно обо-

ронял Ленинград, – самое страшное уже позади. Мы вырвались из блокады. Теперь нам осталась самая малость – добраться до Мелекесса, не замерзнув.

Люди потихоньку стали собираться вокруг него.

– Дров нет, – продолжил он, – взять их неоткуда. Еды тоже нет. Что мы должны сделать? Для начала на ближайшей станции потребуем хоть какую-то пайку. Но учтите, можно только сосать её, чтобы растянуть на долгий срок. Да и есть нам пока нельзя, опять польется всё с кровью. Теперь так. Давайте те, у кого имеются силы, стащат умерших к дальней стенке. Там три трупа примерзли – не отодрать, туда остальных и сложим. Сами садимся вплотную друг к другу и пытаемся согреться. Кто может – ходите, двигайтесь, это тоже должно помочь.

Хотя никто не назначал Натана командиром, но люди принялись за дело.

Вскоре удалось сложить тела в одном месте. Пока перетаскивали – и вправду немного согрелись.

Затем стали собираться кучками на узких нарах, отдавая друг другу тепло своего дыхания и тела.

На ближайшем полустанке Натан выпросил у коменданта для всех немного хлеба, взяли и за покойников.

Дополнительные пайки закопали в снег на полу вагона – замерзший хлеб сосать можно много дольше. Только потому и протянули до Вологды.

От Жихарево поезд полз почти восемь дней. К тому времени осталось одиннадцать человек: за пять дней с тех пор, как Натан взял на себя руководство, умерло лишь четверо. Но сам он был совсем плох.

Аркаша не знал, что делать...

Новосибирск, 1937 год

Это была ничем не примечательная войсковая часть. Высокий забор с колючей проволокой, будка КПП, тяжелые ворота.

Правда, сосновый бор, где стояла часть, местные обходили стороной. Не привлекали их ни зеленые поляны для пикников, ни россыпи грибов и ягод, ни зеркальной чистоты озеро неподалеку.

Что-то недоброе было в этом райском уголке. Шептались: пробуждается там по ночам само Зло.

Кто-то клялся, что видел патрулирующим периметр своего погибшего в гражданскую войну отца или деда, другие – что бродят по лесу древние люди, волосатые, на обезьян похожие и ухают будто бы прям почти по-человечьи. А известный всем забулдыга Семеныч на кресте божился: мол на песчаном берегу, в полнолуние, пили горькую Есенин с Маяковским, пели песни похабные, а как увидели его – к себе стали звать. Никто, конечно, не поверил, но с тех пор Семеныч до конца жизни «завязал».

Иногда за ворота въезжали тяжелые «паккарды» или «линкольны». На приступке у задних дверей стояло по охраннику в форме НКВД с автоматом, нацеленным в сторону от автомобиля. За открывавшимися воротами, перед уже подъезжавшей машиной, расстилалась заасфальтированная дорога, ведущая на огромный плац.

В любую погоду, в любое время года здесь было чисто убрано и – ни единой живой души.

Машина останавливалась у здания штаба. Предупрежденный водитель узнавал его по двум колышущимся по бокам алым знаменам. Вывесок на этом бетонном, сером, одноэтажном, с единственным окном, здании не было.

При входе посетителя охрана занимала пост у двери. Гость заходил и исчезал, иногда, бывало, на несколько дней. В таких случаях приезжала сменная машина с новым караулом.

А бывало и так, что привозили кого-то, одетого в маску, и уезжали, оставив его навсегда за толстой дверью, обитой серебристыми металлическими пластинами.

Здесь стояла плотная тишина, нарушаемая лишь тихим урчанием автомобильного мотора и шуршанием шин.

...Сегодня к куратору таинственного Хранилища прибыл тот, кого ближайшее окружение Сталина знало под фамилией Кнопмус. Положив руку на плечо встречающего, мягко произнес:

– Можешь час побыть самим собой, Зафаэль.

– Мой Абрасакс добр и великодушен, – ответил почтительно поклонившийся мужчина.

– Пока не забыл, вот возьми, – прибывший протянул куратору небольшую коробочку, – тут амулет для Кобы, заряди года на четыре. И еще, подготовь новый дьюар, скоро в нашей коллекции ожидается пополнение.

В чем-то они были схожи. Зафаэль, назвавший Кнопмуса Абрасаксом, тоже имел ярко выраженные восточные черты. Но его лицо, плоское как блин, с бледной, до синевы кожей, широким носом и волевым подбородком, никогда не выражало никаких эмоций. Глаза слепыми выцветшими бельмами взирали на окружающих из-под широких, но коротко стриженных темных бровей. Тонкие губы почти не раскрывались при разговоре, а голос звучал тягуче, с металлическим скрипом.

Был он одет в белоснежный крепдешиновый костюм, под которым матово блестела черная рубашка с широким воротом, и тонкой ниткой сползал хрустящий серебристый галстук. На ногах сияли лаковые остроносые туфли.

На Кнопмусе сегодня был оливковый френч, ставший за последние годы для него второй кожей, и хромовые сапоги.

– Будет исполнено. И да, если мой Абрасакс позволит, с вами хотел поговорить старый друг.

Тот благосклонно кивнул.

Из темноты пещеры с высокими сводами, освещаемыми лишь тусклым светом редких факелов, к ним вышла навстречу огромная собака, внешне чем-то напоминавшая ротвейлера, но с непропорционально большой приплюснутой мордой.

Подняв умные глаза на Кнопмуса, она издала ряд щелкающих звуков.

– Извини, но мой ответ «нет». Погоди, осталось буквально несколько лет, и будет тебе столько работы, что сам запросишься обратно, – ответил Хранитель.

Пес, недовольно фыркнув, что-то цыкнул и горделиво удалился в темноту. Зафаэль посетовал:

– Жалуетса чуть ли не каждый день. Засиделся, скучно ему.

– Он важную работу делает, не могу пока отпустить его. Наверное, даже я лучше бы не справился, а характер у старика всегда паршивый был. Не обращай внимания. Голованы с рождения любознательны до безумия. Погоди-ка...

Сняв со стены факел, Кнопмус опустил его на корточки и осветил каменный пол. На обсыданно-черных плитах проступали красным какие-то письмена. Поинтересовался, не оборачиваясь:

– Уже и младшие послушники мертвы?

Зафаэль лишь грустно усмехнулся.

– Думал, время еще есть. Ну, значит тянуть более нельзя. Давай прогуляемся в святилище.

Это место помнило многих. Здесь бывали величайшие ученые и философы, художники и композиторы, политики и военачальники.

Многие.

За тысячелетия камень впитал в себя поступь лучших из лучших.

Сегодня же, в огромных сводах зала, тонуших в темноте, Кнопмус услышал лишь тишину.

– До сих пор поражаюсь, – Хранитель выглядел опечаленным. – Мы ведь с Инессой успели стать настоящими друзьями. Я и не припомню, когда последний раз мог кого-то назвать «другом».

– Если мне не изменяет память, вы постоянно ругались.

– Ну еще бы! Спорили до хрипоты. Просто потому, что мне хотелось в чем-то убедить её. Жаль удавалось редко, упрямая была до безумия.

Зафаэль кивнул.

– Это точно. А помните, когда на Ильича покушались, что устроила эта чертовка?

Кнопмус невольно улыбнулся.

– Кошмар. Чуть глаза мне не выпарапала. Ты её еле оттащил.

– Так она и мне по лицу тогда засветила. Правда потом разрыдалась и весь китель косметикой вымазала. А что вам сказала, помните?

– «Никогда человек не был и не станет игрушкой богов. История оплатит тебе».

– Не бойтесь, Абрасакс? Не абы кто такое пророчество выдал.

– Знаешь, боюсь. Действительно боюсь. И именно поэтому я здесь. Хочу кое-что проверить. Готовь обряд Великого Прощания с Инессой. Надеюсь, что ошибаюсь, иначе Суламифь будет последней, кто взойдет на алтарь.

Вологда, 1942 год

На запасном пути стояли с раннего утра. Кругом тишина, ни единого человека. Лишь сплошные составы, составы, составы...

Внутри спали все, кроме Аркаши. Он проснулся давно, когда вагон резко дернулся: наверное, отцепляли локомотив.

Уже несколько раз выглядывал наружу, но все так же было безлюдно. Мела метель, иногда где-то вдали раздавались гудки паровоза.

«Ждать больше нельзя», – решил Аркаша.

– Папа, пожалуйста, проснись, – он тряс за плечи отца, – ну проснись, папа, папочка. Мы приехали, надо выходить.

Натан Залманович, уже даже не серый, а словно бы прозрачный, стал тенью того человека, которого они с братом с детства боготворили.

Который был для них больше чем отец – Учитель, Наставник, Друг.

Но все его силы ушли на то, чтобы попытаться довезти людей живыми. И теперь он не хотел просыпаться. Аркаша начал что есть мочи тереть ему уши, затем бить по щекам.

– Проснись, папа, проснись. Ты должен! Проснись!

Наконец отец открыл глаза. Взгляд был стекленеющим. Аркаша помнил такой взгляд по Ленинграду...

...В конце осени он работал на заводе, собирал гранаты. Возвращаясь как-то вечером домой, встретил одного давнего знакомого. Не приятеля даже, так, пересекались во дворе иногда. Они перебросились парой ничего не значащих фраз. Это было важно: что-то сказать друг другу, прежде всего для самого себя, чтобы убедиться – я не сплю, я еще жив, я не умер.

Аркаша пошел домой и вдруг услышал за спиной странный глухой звук падения. Обернувшись, увидел, что его приятель рухнул там же, где и стоял. Когда Аркаша подбежал, тот был уже мертв. В то время еще хоронили покойников, потому кинулся за врачами, милицией...

Но этот взгляд... да, тот же взгляд был у того парня при разговоре, перед тем, как он упал за смертью.

– Вставай. Мы должны идти.

Отец просипел:

– Надо разбудить остальных.

– Все спят. Послушай, доберемся до вокзала и позовем на помощь.

– Эти люди доверились мне, я останусь. Иди один.

– Хорошо, тогда и я останусь тут с тобой. Через пару часов умрем вместе. Согласен?

Отец с трудом приподнялся, обхватив двумя руками сына за плечи. Он казался тяжелым и огромным, хоть и был похож на оживший скелет.

Помогая друг другу, вылезли из вагона. Пока Натан Залманович сидел на промерзлой земле и отдыхал, Аркаша задвигал тяжелую дверь обратно, чтобы дать пусть крошечный, но шанс тем, кто оставался внутри.

Отдышался.

Помог встать отцу. Держась за борта вагонов, они медленно двинулись в сторону вокзала.

Это было бесконечное мертвенное царство поездов. Вагоны, вагоны, вагоны... Колеса, колеса, колеса... Рельсы, рельсы, рельсы...

Отец постоянно падал. В конце концов, юноше пришлось тащить его на своей спине. Аркаша сам не понимал, как это возможно, сил не было. Лишь чудилось, что кто-то со стороны, в помощь ему, будто протянул свою могущественную длань.

Спотыкаясь, перебирались через рельсы между составами.

Снова падали.

Вокруг до сих пор никого.

Когда уже стал отчетливо виден вокзал, отец упал и не смог подняться.

– Вставай! Вставай! – закричал Аркаша. Вернее, ему казалось, что он кричит, а на самом деле лишь хрипло шипел, словно простуженная змея.

– Все, сынок. Больше ни шагу не сделаю. Нет сил. Иди, помощь зови, тут недалеко.

– Папочка, ты должен встать. Должен, понимаешь? Мне, Бобке, маме, всем. Тем, кто в вагоне. Тем, кто на фронте. Товарищу Сталину, наконец. Ты ведь – большевик, ты сильный, ты должен встать. Осталось пройти самую малость. Поднимайся.

– Все, хватит... тяжело говорить... иди скорее, я дождусь тебя, обещаю.

Аркаша упал на колени перед отцом и заплакал. Он много раз за последние дни видел эту сцену во сне. Знал – если уйдет, то живым отца уже не найти.

Он плакал от злости, что не смог обмануть судьбу. Что все предрешено заранее, и ничего нельзя поделать с этим.

Смерть просто посмеялась, выпустив ненадолго из объятий блокады, чтобы вновь прижать их здесь к своей любящей груди.

Внезапно лютая ненависть затопила сознание. Он встал и заорал, даже зарычал, во весь охрипший голос:

– Вставай!

– Нет...

– Вставай, говорю!

– Не могу...

– Встать! Убью! – напрягаясь, орал Аркаша.

– Оставь меня, – злобно хрипит отец. – Иди один.

Словно вспышка мелькнула перед глазами. Что это было? Сон или видение будущего? Аркаша не знал. Да и с ним ли это случилось сейчас?

Но, главное, сработало. Отец встает.

Он встает!

И снова этот странный прилив сторонней силы, снова ощущение протянутой дружеской крепкой руки.

Взвалив на плечи Натана, потащил, глядя только вперед. Только – на здание вокзала. А людей все не было. Куда они подевались?

Вот уже и платформа. Хорошо, низкая.

Дверь в зал ожидания на удивление легко открылась.

Втянул внутрь тело отца.

Сам рухнул на пол.

Над ним склонилось чье-то лицо. Сквозь мутную пелену усталости, явственно увидел пронзительные маленькие глаза, упрятанные под седыми бровями. И еще услышал рядом странное дыхание: так обычно дышат собаки. Незнакомый улыбнулся:

– Я не сомневался в тебе, Арк.

А затем – новая вспышка и всё исчезло.

Москва, 1937 год

Восемь лет назад, когда они только познакомились, у него была смазливая внешность киноактера, ему нравилось красиво одеваться, иметь хороший заграничный парфюм, стильную прическу.

Но с тех пор он превзошел мастерством любую звезду экрана, превратившись в человека без лица. Дело было не только в гриме, который искусно наносил.

В первую очередь, придумывал для нового образа легенду, до мельчайших деталей прорабатывая и репетируя все: как человек просыпается, как ест, как ходит, даже как поправляет на голове волосы или чистит зубы.

Без преувеличения, он стал королем лицедеев.

А недавно поднял планку еще выше: ухватить самые мелочи во время первого допроса арестованного и, сходу набросав грим, принять чужую личину. Случались и провалы, но редко.

С начала операции по Тухачевскому – принял облик безликого следователя. Про себя называл это амплуа «Скучный». Когда приходилось подолгу сидеть на Лубянке, именно с такой маской появлялся в своем кабинете.

Пегие, чуть растрепанные волосы под фуражкой, слегка одутловатое лицо, будто бы после небольшой попойки, глаза, спрятанные за круглыми очками, хоть зрение и было идеальным. Китель же майора государственной безопасности отводил лишние взгляды – пялиться на такого себе дороже.

Но сейчас ему не было нужды притворяться. Он пришел к самому близкому другу.

– Садись, я же вижу, как ты устал. Вот так, расслабь здесь, сделаю массаж, – маленькие жилистые ручки наркомвнудела расстегнули китель и сжали плечи Еремеева. – Рассказывай давай.

– Как ты и сказал, маршал сломался на дочери. Единственное что – пошел в несознанку. Мол, подпишу все, что хотите, но заговора не было, и, если вам нужен на суде спектакль, где все будут признаваться в одном и том же, пишите сценарий. На всякий случай я взял у него подписей под бланками допросов впрок, чтобы можно было вписать что угодно, – обернувшись за спину, Еремеев спросил. – Или я поступил неверно?

Ежов снял руки с его плеч, задумчиво почесал гладко выбритый подбородок, затем, хмыкнув, подошел к столу и налил себе из графина стакан водки.

– Может получится интересная комбинация, мой мальчик.

– Вот и я так подумал. Хозяин давно готовился к этому, а тут ему на блюдечке принесут голову любого, главное, понять, куда дует кремлевский ветер.

Ежов залпом выпил и, занюхав рукавом, выдохнул:

– Сейчас ветра нет, паруса спущены. Есть у нас, знаешь ли, люди, которые сидят повыше Кобы, и как хотят помыкают им. Но тебе не стоит об этом думать. Кстати, пока не забыл,

из той же инстанции пришла строжайшая директива: девчонка Тухачевского должна остаться в живых.

Еремеев неподдельно удивился:

– И что мне с ней делать прикажешь?

– Что хочешь, но отвечать будешь головой, понял? Умереть она может только своей смертью и только от старости. Как хочешь, так и понимай, не нашего это с тобой ума дело, мой мальчик. Там, – он показал пальцем на выбеленный потолок, – из своего загробного ЦК тоже получают указания и выполняют их, заметь, без рассуждений. Ну да ладно.

Он хлопнул в ладоши и потер ими, ослабившись.

– С Тухачевским мы разобрались. Дальше уже без нас тур вальса спляшут. На очереди – летун паршивый. Как там идут дела с подготовкой к операции? Не просрешь опять все дело, как давеча?

Майор хмуро, исподлобья заметил:

– Я, Коля, ничего не просирал. Стечение обстоятельств. Кто знал, что он на тот остров в такую погоду самолет посадит?

Ежов подошел и потрепал его по щеке, наклонившись.

– Ну-ну, не дуйся, дурашка, щечки лопнут на меня дуться. Лучше скажи, что там по срокам выходит? Очень уж он мне под ногами мешается.

«Не у тебя под ногами, а между ног твоей жены-шлюхи», – подумал про себя Еремеев, но вслух сказал:

– Ближайшие года полтора не стоит лезть. И так засветились. К тому же, Хозяин благоволит летуну и, уж простите, два и два сложить сумеет. Сразу станет ясно, что кроме тебя это никому не выгодно.

Сверкнув глазами на друга и слегка покраснев, наркомвнудел лишь снова плеснул себе водки и кивнул, чтобы тот продолжал.

– Я предлагаю обходную операцию. Больше победных реляций, пусть вождь вознесет его в своих глазах и отведет взор от нас. А там Валерьян за нас все сделает сам, уверяю: в его стиле вмиг свалиться в пике. Главное будет – не упустить момент.

Вологда, 1942 год

Где-то сквозь туман раздавались незнакомые голоса:

– Как он вообще жив остался? Весь обмороженный...

– Ужас, а худой – как скелет...

Аркаша почувствовал, что его пытаются раздеть. Видимо, это не получалось.

– Примерзло, чёрт, неси ножницы.

Он попытался открыть глаза. Сплошной туман.

Было и не тепло, и не холодно.

Было никак.

– Доктор, он приходит в себя.

– Где я? – прошептал он пересохшими губами.

– Не волнуйся милый, все хорошо, ты в больнице, лежи спокойно.

Где-то на периферии зрения мальчик успел увидеть, как срезают заледеневшее окровавленное белье, как стаскивают носки: вместе с кожей, ногтями. А боли всё не было.

Потом Аркаша вдруг услышал шумное дыхание большой собаки, вспомнил вокзал и, наконец, опять потерял сознание.

Давно работая в органах госбезопасности, она впервые видела подобного человека. Нет, тех же китайцев, японцев, вообще азиатов перевидала на своем веку. Тут был особый случай.

Мало того, что из центра поступил приказ «альфа-прим». Впервые за весь срок службы. Это, как минимум, нарком приехать должен. Вдруг появился какой-то узкоглазый, в маскхалате и старом френче.

Но приказы не обсуждают.

Последние пару лет, исполняя обязанности главврача местной больницы, она привыкла к шаблонным контрразведчикам, приезжавшим сюда для выполнения заданий. Этот был – иной породы.

За ним чувствовалась сила. Не та, от которой женщины готовы, бросив даже детей, бежать следом сломя голову, а мужчины выполнить любой приказ, нет.

Это была сила горной лавины, несущейся на тебя, когда стоишь и понимаешь – ничего ты, жалкая букашка, сделать не сможешь.

И еще – он никогда не смотрел в глаза.

Только сквозь тебя.

Когда пожал ей впервые руку, она вздрогнула – будто током ударило.

– Светлана Сергеевна, нам предстоит серьезная работа.

Кнопмус мыл руки в старой, ржавой раковине.

– Ну что скажете, доктор?

– На удивление крепкий парень, жить будет. Назначение я выписал.

– Вы слышали, вагон, в котором их привезли... когда до них дошла очередь, то там все уже были мертвы. В Жихарево просто забыли положить дрова, чья-то халатность. И вот налицо почти тридцать погибших людей.

– Да, ужасно, ужасно... – вздохнул Кнопмус, – но, к сожалению, за последнее время подобные истории стали обыденностью.

– Мальчик все время спрашивает про отца. Что ему сказать?

– Так, мол, и так, умер отец от истощения и обморожения.

– Но ведь тела не нашли ни в здании вокзала, ни в вагоне, ни на путях.

– Светлана Сергеевна, ну что вы, право. Сейчас люди тысячами пропадают, а вы про тело.

– Он говорит, что дотащил отца до зала ожидания, но там был найден только сам мальчик.

– Галлюцинировал-с. Голод. Обморожение. Долгое путешествие среди покойников. Как он с ума то не сошел, это уже чудо. Так что не травмируйте его еще больше, скажете просто: отец скончался, похоронен в братской могиле.

– Куда же его потом из больницы, Юрий Альфредович?

– Пока определите в детский дом. Я вас уверяю, еще несколько лет, и войне конец. Тогда родные сами отыщутся.

Глава 2

Ленинград, 1954 год

Теплым осенним вечером, по Невскому проспекту, от Московского вокзала в сторону Казанского собора прогуливались трое молодых людей.

Справа шел симпатичный юноша, явно из ученых, со всеми им полагающимися атрибутами: большие очки в черной оправе, кучерявые темные волосы, и вся скорбь еврейского народа в мудрых, не по годам, глазах. Таких обычно ловили в подворотнях и били морду представители класса-гегемона. Но этого назвать задохликом было нельзя, чуть небрежный, спортивного кроя костюм по росту отлично сидел на крепкой фигуре.

По центру тройки вышагивал здоровяк в военной форме. Высокий, статный красавец с волевым лицом. На таких оглядываются на улице и женщины, и мужчины. С такими дружат в любой компании. Такие быстро и везде становятся лидерами, а люди с радостью им подчиняются. Острый ум и добродушие прямо-таки лучились из него глаз.

По левую руку от него шла девушка. В платье с пышной юбкой и подчеркнутой талией, миловидная блондинка, круглолицая, ямочки на щеках, чуть широкий нос. И весьма озорные, с чертовщинкой, глаза.

Юношей в очках был Борис, или Боб, для друзей. Военный – его старший брат Аркадий. А девушку звали Елена, она и Аркадий недавно поженились.

Молодые люди вдохновенно обсуждали научную фантастику, к которой испытывали жгучий интерес, Елена внимательно их слушала. Аркадий, в своей обычной манере размахивал ручищами, словно ветряная мельница, и громогласно вещал:

– Понимаешь, Боб, что меня раздражает? Сначала, лет десять назад, писали пачками бредовые книги о полетах на Луну. При этом, обязательно, в каждой из них был или западный шпион, или предатель-интеллигент. В конце, конечно, побеждают «наши», на Луне ставят памятник Сталину, а злодея, ничтоже сумняшеся, выкидывают в открытый космос. Просто тонны таких романов. Теперь Луна им надоела, у них научная фантастика побеждает на производстве разного сорта бюрократов. Читал новую книгу Гранина?

– Да как-то руки не дошли.

– Ну и не читай. И ведь вот что обидно, столько всего можно было бы придумать на тему того же космоса. Неужели, кроме Луны, нет ничего интересного, например, далеких планет? Ну, а как же другие галактики? Я уж молчу про сам термин «научная фантастика». Научная! Ха, – яростно взмахивал руками Аркадий. – Они вообще не пытаются обосновать, как, почему, за счет чего у них ракеты летают, ладно. Да и ощущение от самих героев такое, будто написаны все под копирку. Как говорится, таких писателей я убивал бы на месте. Из рогатки.

Молодые люди вышли на Аничков мост. Остановились посередине, глядя на проплывающие внизу, по темной Фонтанке, маленькие лодки.

– Эх, – задумчиво сказал Аркадий, – если бы не служба, то сам уже давно сел и написал что-нибудь такое... знаешь, что-нибудь такое, что самому интересно читать было бы, а? Как думаешь, Боб? Мне кажется это главное в литературе – написать так, чтобы было интересно самому.

– Ну, если только самому интересно будет, то это, братец, графомания, а не литература. Конечно, важно, чтобы любое дело, которым занят, захватывало, не спорю. Но, литература, она и для людей должна быть, и о людях. Ты метко про романы под копирку заметил. Нужно писать фантастику об обычных людях, таких как мы с тобой, или скажем, Ленка, просто оказавшихся в необычных обстоятельствах. Со всеми их недостатками и прочим. А то ведь у нас, что не литературный герой, то монумент самому себе. Кстати, я помню ты еще в детстве писал,

до войны. Помнишь, про майора Ковалёва? Жаль, не сохранились тетрадки. Нам ими печку пришлось топить во время блокады, книги-то берегли.

– Да, что-то такое припоминаю. Но это так, проба пера. Вот кончится срок службы, выйду в отставку, мы с тобой сядем, Боб, и напишем книгу. Наверняка уж получше этих остолопов-бездарей.

Елена, не выдержав всего этого хвастовства, аж притопнула ножкой. Перебила парней, язвительно усмехаясь:

– Да-да, сядете и напишите. Товарищи! – закричала она. – Не пропустите, сегодня в нашем книжном магазине – «Фантастические миры братьев Стругацких». Болтуны, только хаять умеете... Это – не так, то – не эдак. У этого – сюжета нет, тот – языком не владеет. А самито? Хвосты распушили, а на большее не способны. В жизни ничего не напишете, будете вечно ходить и ныть, какие у нас писатели бездари.

Аркадий подмигнул Борису и с веселой улыбкой повернулся к жене.

– Пари?

– Пари? На что? Не смей меня, Арк.

– Ну хотя бы... ммм... на бутылку шампанского. Если мы с Бобом напишем роман... Ну пусть не роман, хотя бы даже повесть, и её издадут, ты ставишь нам бутылку шампанского. Если нет – мы тебе.

– Каждый. По бутылке.

– Идет! А ну, разбей, брат.

Весело смеясь, Елена побежала вперед, Аркадий и Борис медленно пошли за ней следом.

Дойдя до конца моста, старший из братьев внезапно остановился у постамента и наклонился. На граните был виден скол от артиллерийского снаряда, оставленный во время войны. Аркадий присел на корточки и погладил раненый камень ладонью.

– Знаешь, когда я убежал из детского дома после эвакуации и попал в Ташлу, то отправил вам в Ленинград десятки писем. А мне никто не отвечал. Верить-нет, тогда чуть в петлю не лез. Отца не уберег, вас, считай, бросил в блокадном городе. Мне казалось, не сделал всего, что мог, что виноват во всем произошедшем. Думал, если не ответите через месяц, то уйду на фронт, попрошусь на передовую, и – к черту всё! А потом написала мама...

– В чем ты-то виноват, Арк? В том, что фашисты на нас напали? Что город попал в окружение? Что склады продовольственные разбомбили и голод начался? Что отцу всего два места дали, а я с трудом тогда за водой ходить мог? В чем?

– Не знаю, – сказал Аркадий, вздыхая, – не знаю. Только я теперь в семье старший, – он выпрямился и расправил брюки руками, – и как старший, приказываю немедленно догнать Ленку. А ну, бегом марш!

Они кинулись по Невскому и не обратили внимания на мужчину гигантского роста с добродушным детским лицом, прогуливавшего лобастую седоватую собаку, которые – оба – пристально наблюдали за происходящим.

Крым, 1938 год

Осеннее море всегда успокаивало. То, что творилось последнее время, окончательно вывело из равновесия, поэтому уехать сюда было верным решением.

Суламифь прогуливалась по набережной, слушая, как барашки волн шелестят, шуршат, дерутся.

Недавно она прочла роман «Унесенные ветром», ставший бестселлером в США и привезенный по каналам разведки в Советский Союз. Книга захватила, вскружила голову. Во многом узнавала себя. «*I'll think about it tomorrow*». Сегодня и вправду не хотелось думать.

Пляжный сезон отгремел, закончилось бабье лето. На пирсе было немногочленно, но редкие мужчины, дефилировавшие как в одиночку, так и с барышнями, плотоядно оглядывались на неё.

Проклятье.

Медальон снова работал. Значит, пришло время встречи.

Кем он был на самом деле, вряд ли кто-то доподлинно знал. Пару лет назад, будучи в сильном подпитии, муж шепнул: «Его боится сам Сталин». Лично Коля с Кнопмусом, видимо, не встречался, но с кем-то из подручных имел регулярную связь, потому как иногда выбалтывал то, что знали лишь посвященные в тайну Хранилища.

Работая на него уже почти десять лет – и когда наркомом был Ягода, и когда эту должность занял ее муж – имела особые взаимоотношения с Юрием Альфредовичем. Знала и то, что «Кнопмус» – всего лишь легенда, называла его, как и все допущенные в Хранилище, Абрасаксом.

У них был длинный список взаимных уступок. Во всяком случае, ей хотелось так думать, потому как порой казалось, что Кнопмус сам подталкивает к тому, чтобы оказать протекцию человеку, а значит, получить право на услугу с его стороны. Холодный безликий расчет.

Однажды она решила проверить свою теорию. Закончилось это весьма печально. На ее вопрос, почему он не стал спасать Кирова, Юрий Альфредович лишь развел руками, улыбнулся и недоуменно поинтересовался:

– А зачем?

Вот так всегда с ним. После этого уже не рисковала и делала серьезные ставки заранее. Получила гарантии под Тухачевского и Бабея, но оставался последний дружочек, которого нужно было спасать и как можно быстрее...

Усевшись на берегу, покорно предалась ожиданию. Песок под ней был холодный и влажный, но она знала, что не может заболеть. Юрий Альфредович никогда не нарушал обещаний.

Он появился словно из ниоткуда. Просто обернувшись, увидела, что тот сидит рядом.

– Позвольте полюбопытствовать, Евгения Соломоновна, что на сей раз беспокоит вашу прелестную головку?

– Думаю, вы и так уже знаете.

Тот хмыкнул:

– Знать все – невозможно априори, иначе бы не было смысла жить. Удивите меня.

Снова направила взгляд на темное море.

– Вчера у нас дома был этот жуткий Еремеев. Ей богу, уж на что я в органах много лет, всякого перевидала на своем веку: и садистов, и убийц, а каждый раз от него мурашки по коже. Так вот, они как обычно у Коли в кабинете уединились, но я всю беседу слышала. Если опустить ахи-вздохи, то, похоже, голубки уже давно готовят операцию против Валерьяна.

Кнопмус дернул шей.

– Кого, простите?

– Чкалова.

Подобрав в песке плоский камешек, Абрасакс, как мальчишка, с прищуром прицелился и кинул его в море. Тот блинчиком поскакал по воде, разрезая стылые осенние волны.

– Знаете, Евгения Соломоновна, штука в том, что за него уже просил еще один мой постоянный, скажем так, партнер. И если Тухачевского я для вас у него выкупил – вы были в Хранилище и могли убедиться в этом сами – то тут, боюсь, цена слишком высока. Сталин, конечно, всего лишь человек, но мне нет резона портить с ним отношения по пустякам. И он тоже хочет крови Чкалова.

Она вздохнула.

– Назовите ваши условия.

– Ваша жизнь. Здесь и сейчас.

Недоуменно посмотрев на собеседника, Евгения поинтересовалась:

– А вам не жалко потерять столь ценного агента? Не подумайте, я готова, просто кто меня заменит? Надо прежде всего думать о деле.

– Как говорит Иосиф Виссарионович: «Незаменимых у нас нет». Ваше дело продолжат. Ну так что, готовы умереть прямо сейчас?

– Да, – просто ответила она, и пальцы впились во влажный песок.

Кнопмус достал из кармана пилюлю и вложил ей в ладонь. Она, не колеблясь не секунды, проглотила таблетку. Тот удовлетворенно кивнул.

– Что ж, теперь вы действительно достойны называться Суламифью...

Казахстан, поселок Кенгир, 1954 год

С рассветом замолкли последние выстрелы, человеческие крики и лязг гусениц боевых машин. Безразличное к людской кровавой возне солнце, как всегда, осветило буро-серую степь, застланную пожухшим типчаком, обнажая уродство полуразрушенных бараков восставшего Степлага.

Недалеко от вынесенных танками ворот сидел здоровенный пес, мирно выкусывая блох из короткой, темной с проседью, шерсти.

Иногда, поднимая лобастую голову, провожал бегущих мимо солдат. Казалось, он неодобрительно качает головой, будто бы даже вздыхает.

Вскоре, вслед за военными, выдвинулись гражданские: скорая, пожарные, и, конечно же, «труповозки». Не обращая ни на кого внимания, пёс поднялся. Отряхнувшись, потрусил вслед за автоколонной.

В воздухе висела гарь, смешавшаяся с пылью, оставленной проехавшей бронетехникой.

Но вот машины остановились, вылезли хмурые мужчины, направились к раненым. Кто-то разматывал шланг – тушить горящий барак.

Из грузовика выпрыгивали люди в защитных масках, фартуках поверх одежды, наподобие тех, что носят мясники, и с вилами в руках. Сегодня им предстояла та еще работенка – собирать человеческие останки.

Обогнув людей, собака повернула направо, двигаясь по глубокой колее, оставленной траками танка. На её пути сидела женщина, недоуменно глядевшая на месиво из раздавленных гусеницами ног и теплой от крови дорожной грязи.

Несчастливая улыбнулась чему-то («сына вспомнила», – отметил про себя пёс), и повалилась на спину, уже мертвая, уставившись остекленевшим взглядом в затянутое дымкой небо. Он аккуратно переступил через тело.

Вдруг, неподалеку, собака почуяла нечто странное. Принюхавшись, безошибочно распознала «блатного». Недоуменно крутанув головой, подошла к рядам «колючки», с сипом втягивая воздух в жесткие широкие ноздри.

Человек был еще жив. Пять автоматных пуль прошли насквозь, но, судя по всему, важных органов не задела, а вот удар бревна от частично обвалившегося забора пришелся по голове. Шансы спасти его были, но минимальные. Остановившись у стонущего лагерника, пёс зажмурил глаза.

Интересно же судьба выписывает линии жизни... Этот заключенный, мотающий срок по уголовке с такими же ворами, в тридцать седьмом, по негласному соглашению с кумом, резал в лагере *политических*, за что ему тогда серьезно скостили срок. А этой ночью «блатной» до последнего сдерживал отступление осужденных под предводительством седого мужчины, чудом выжившего после одной из тех поножовщин...

Недоуменно фыркнув, пёс что-то процокал чуть слышно. Затем лизнул окровавленную ладонь лежавшего на земле. Ему было интересно.

Не торопясь и постоянно оглядываясь, двинулся дальше – внутрь, к одному из барakov, где его уже ждал старый друг.

В компании с восходящим над казахской степью дневным светилом, он *увидел и запомнил* то, что теперь уже навсегда канет в историю. Последние несколько часов были особенно яркими...

...Вой бессилия висел над Степлагом. Только что в проломы ограждений вломились Т—34, и колючая проволока, что они тащили за собой, вспарывая вытоптанную землю, делила территорию лагеря на загоны для людей.

Одни танки ломают стены барakov, где спят люди, другие врезаются в толпу бегущих навстречу заключенных, крики боли и ужаса заглушают автоматные очереди и надсадный лай овчарок. Тем, кто сидит внутри боевых машин, до начала операции налили водки. Даже по приказу, давить людей в бараках – не то же самое, что фашистов на поле боя...

Пес, совсем уж по-человечески, мотнул головой, словно отгоняя навязчивые картины прошедшей ночи.

Пробежал до лагерного лазарета.

Там горел свет, и *политический*, хирург-испанец Фустер готовился к очередной операции. Но не больница была целью пса.

Он направлялся к радиорубке.

Потому, не обратил внимания, что позади бесшумно приотворилась дверь, и оттуда, вслед за ним, выскользнула какая-то женщина.

...Юрий Альфредович судорожно морзирова.

Три точки, три тире, три точки.

Три точки, три тире, три точки.

А степь вокруг молчала. Но не была глуха. Десятки людей принимали сигнал бедствия, для них он был и сигналом надежды.

Значит, восставшие еще живы.

Значит, третье лаготделение еще держится.

Хотя помочь атакуемым войсками зекам никто, конечно, не мог.

За дверью раздались знакомые щелчки, и в радиорубке прекратилась морзянка. Кнопмус вздохнул, с усмешливой грустью обвел взором в последний раз расхристанный кабинет, откинулся на стуле. Затем встал и впустил пса.

Они стояли у двери и обменивались непонятными звуками, а за всем этим, вжавшись в деревянную стену спиной, наблюдала женщина, давно уже приметившая необычную собаку.

Остров Удд, 1936 год

Сбрасывая скорость на вязком грунте, покрытом травой и песком, АНТ—25 приближался к воде: островок-то, на который сели, как мазок кистью по холодной синеве – длинный и узкий.

Но вот увязла в песке правая нога шасси, и колесо отлетело. Самолет повело, скорость резко упала.

Встали.

Откинув крышку люка, Чкалов спрыгнул на землю. Почесал в затылке, глядя на поломку. Сверху высунулся второй пилот. Он сорвал с головы шлем, вытерев им пот со лба и сказал:

– Ну Валерьян... уффф... Ну ты даешь. Никто на свете бы не смог тут посадить машину. Тот досадливо махнул рукой.

– Ай, к черту-дьяволу все. Полуось полетела. Встали намертво.

Байдуков аккуратно вылез, заглянул под крыло.

– А чего нам, собственно, переживать-то? Полосы нет, мы так и так не взлетели бы. Валер, мы чудо совершили на этом самолете, понимаешь? Чудо! Не было таких перелетов еще в истории.

Чкалов огляделся и взъерошил темные вымокшие волосы на затылке.

– «Понимаешь, понимаешь...» Это ты пойми, Георгий, хрен с ним с самолетом, хотя тоже жалко, «птичку» -то. Другое плохо. Подвели самого товарища Сталина. Взяли ведь на себя обязательство дотянуть, как минимум, до Хабаровска. Ну и кто мы теперь? Хвастливые болтуны, вот мы кто.

Из люка показалась голова штурмана:

– Валерий Палыч, если я правильно помню, задание было – дотянуть только до Петропавловска-камчатского, лететь дальше – наша инициатива. Точнее, ваша.

– Ну вот я, дурак, по радио и сообщил, мол, вытянем, сможем. Надо было долететь сначала, а затем уже рапорты посылать.

Чкалов в расстройстве кинул шлем о землю. Второй пилот положил руку на плечо расстроенного командира:

– Ты бы долетел, Валерьян, будь у нас связь с Хабаровском. Но в такую погоду, без метеосводки – странно, что вообще не разбились. И потом, ведь смотри, выполняли приказ Орджоникидзе: «садитесь при первой возможности». До сих пор не пойму, как он прорвался сквозь помехи.

– Что мне все эти приказы? Если бы можно было лететь, я, наплевав на все, дотянул бы до аэродрома. Штука в том, что еще чуть-чуть и точно грохнулись бы в море.

Чкалов вздохнул:

– Ну почему мне всегда так не везет, скажи? Почему мы не принимали Хабаровск?

На ближайшей погранзаставе в землянку радиста зашел неприметный круглолицый мужчина в форме майора государственной безопасности. Ошеломленный радист вскочил и отдал честь. Такую шишку в этом захолустье ему еще видеть не приходилось.

– Вольно, боец. Вот, ознакомься, подпиши.

Тот прочитал и нервно сглотнул, глянув на майора.

– Что непонятного? Расстрел подписавшего и всех ближайших родственников – в случае разглашения, действует пожизненно. Давай, каляку свою ставь, работать будем. Да, и передавать будешь моим шифром, – майор протянул листок бумаги.

Сержант вздохнул. Понял, что не повезло сегодня заступить на пост.

Молодого паренька от смерти спасало лишь то, что шифра он не знал и прочитать радиogramму не мог.

«Совершенно секретно. Лично наркомвнудел Ежову. Станцию в Хабаровске заглушили. До аэродрома самолет не добрался. Погодные условия плохие, поэтому, надеюсь на удачное завершение дела. Завтра высылаю гидроплан с погранзаставы на поиски останков экипажа и самолёта. Майор государственной безопасности Еремеев».

В тот вечер Фетинья возвращалась домой с охоты вместе с несколькими односельчанами. Уже издалека они увидели большую «железную птицу» в небе.

Иногда к ним в поселок приходил с материка гидроплан, швартуясь у берега. Но, никто и никогда не садился на исконные каменистые земли нивхов на этих ревущих чудовищах.

Зоркие глаза охотницы приметили непонятные значки на крыльях и фюзеляже.

– Наверное, это чужаки, надо подойти посмотреть поближе, – сказала остальным, – держите ружья наготове.

Крадучись за камнями, они наблюдали, как самолет, заваливаясь набок, замедляясь, ползет в их сторону. Как только невиданная ранее местными жителями машина остановилась, из нее выбрались трое и начали о чем-то говорить, но вот о чем – не разобрать.

Охотники подобрались поближе, на всякий случай, определив удобную для стрельбы позицию. Затем вылезли из-за валунов, наставив на прибывших ружья.

Молодой, крепко сбитый мужчина с темными вихрами, увидев такое приветствие, ничуть не испугался, а заразительно улыбувшись, поднял руки вверх, крикнул им:

– Свои! Не стреляйте.

– Что за знаки на вашей машине? – спросила Фетинья, медленно приближаясь к летчикам.

Чкалов от удивления опустил руки и переглянулся с экипажем. Те лишь недоуменно пожали плечами.

– Какие еще знаки? – переспросил он.

Фетинья дулом ружья повела в сторону надписей на фюзеляже.

Валерий рассмеялся:

– Вы что, читать не умеете?

Подошедшие охотники дружно замотали головами. Но командир экипажа мгновенно нашел выход.

– А ну, Чапай, – обратился он к штурману, – дуй в машину и неси сюда коньяк, который я припас. Эх ты, Санька, еще спорил со мной, не хотел его брать, «лишний груз, лишний груз». Как бы мы сейчас дружбу налаживали?

Майор Еремеев зашел в землянку к радистам, но сегодня дежурил другой связной, потому погнал того за сменщиком: «Одна нога здесь, другая там. Не будет через пять минут на месте – оба под трибунал пойдете». Солдат пулей вылетел наружу, а Еремеев задумчиво уселся на стул рядом с рацией.

Буквально две минуты спустя вбежал запыхавшийся вчерашний сержант и доложил:

– Товарищ майор госуд...

– Отставить, садись, будем работать.

«Совершенно секретно. Лично наркомвнудел Ежову. Сегодня гидроплан пограничников обнаружил на острове Удд самолет АНТ—25 с незначительными поломками и экипаж в полном составе. Как выяснилось, с неизвестной нам радиостанции вчера в воздухе ими был получен приказ Орджоникидзе о немедленной посадке. Чкалов чудом приземлился на остров. При посадке никто не пострадал. Штурман Беляков, (кличка „Чапай“), отправился с пограничниками в Николаевск-на-Амуре докладывать руководству. Жду дальнейших указаний на резервной частоте, боевая группа готова выдвинуться в любой момент в необходимую точку. Майор государственной безопасности Еремеев».

Петропавловск-Камчатский, 1954 год

Майор Берников сидел в своем кабинете, хмуро и недоуменно глядя на гостя из Москвы.

– Какого черта? Я ничего не понимаю. Распоряжение генерала Серова?

– У вас на руках приказ, там все сказано, – лениво ответил сухощавый лысый мужчина и смахнул невидимую пылинку с новенькой капитанской формы, – старший лейтенант Стругацкий поступает в моё полное распоряжение. Вопросов не задавать, полностью и во всем содействовать, форма допуска – один.

Майор, кряхтя, почесал массивный, коротко стриженный затылок и спросил:

– Простите, товарищ капитан, еще раз, как вас зовут?

– Капитан Зафаэль.

– Да, капитан Зафаэль, – после вчерашнего спирта голова у Берникова раскалывалась, и он никак не мог до конца проснуться, – странное имечко, уж простите... я уже стал путать, в чьем подчинении мы находимся. К нам из столицы новости доходят плохо, все эти перестановки в правительстве, ведомственные реорганизации, совсем заморочили голову. Генерал-полковник Круглов разве уже не руководит пограничной службой?

– Не забивай голову деталями, майор. Ты лучше плесни нам спиртяги.

Берников тяжело поднялся из-за стола. Переваливаясь грузным телом с ноги на ногу, словно медведь, двинулся к шкафу. Достал оттуда пару граненых стаканов и графин с чистейшим «авиационным» спиртом, которым регулярно снабжали вертолетчики.

– Закусишь?

Зафаэль помотал головой.

– Я ж не мальчик тебе, фронт прошел. Не трави душу, наливай.

Они молча выпили, и Берников наконец ощутил, что голову стало отпускать. Посмотрев на капитана, подумал: «На покойника похож, вылитый покойник, даже кожа синяя. Может, тоже по дороге перебрал?».

– Давай на «ты», Зафаэль, не знаю, как тебя по имени-отчеству?

– Просто Зафаэль. Мы уже, – тот усмехнулся тонкими губами.

– Так вот. Аркаша – мой хороший друг. Если нужно «мясо», так и скажи, дам толковых службистов, есть нормальные боевые ребята. Но его на смерть посылать не хочу. Я ведь вижу, что вы не к теще на блины собрались.

– Верно, не на блины. Но и ты не ссы, майор, не мальчик ведь. Ничего с ним не случится. Считай, что это будет небольшое приключение для старлея. Верну твоего друга в целости и сохранности.

В землянку решительно постучали. Аркадий натянул на помятую со сна голову одеяло, сипло крикнув из-под него:

– Идите в жопу!

Дверь приоткрылась, и в комнатушку заглянул вестовой.

– Товарищ старший лейтенант, вас Берников срочно к себе зовет.

«Охренели совсем. Война что ли началась?», – подумал, но ввевшаяся за годы службы армейская выучка делала все сама. Не успел додумать мысль, а портянки – намотаны, ноги – в сапогах, и уже подтягивает на себе ремень. Тридцать секунд, и старший лейтенант Стругацкий был готов, лишь густые черные взъерошенные волосы выдавали в нем только проснувшегося человека.

– Что там случилось, не знаешь? – спросил он вестового, быстро умываясь и причесываясь. – У меня ведь еще день отпуска остался, я вчера из Ленинграда вернулся, мать их за ногу.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант. Сказано только срочно явиться.

Аркадий вслед за бойцом вышел из землянки. Кругом, насколько хватало взгляда, виднелись лишь сопки за густыми зарослями каменных берез, нависавших над такими же, как у него, землянками.

– Старший лейтенант Стругацкий по вашему приказанию прибыл, – доложил Аркадий и только тут заметил в кабинете Берникова незнакомого человека в форме капитана. Тот пристально разглядывал его большими белесыми, словно выцветшими, глазами.

Сплюснутое лицо с синеватым отливом вызвало дурноту, поэтому лейтенант предпочел повернуться в сторону начальства.

«Не часть, а какой-то пьяный притон, – подумал Зафаэль, – все с утра перегаром на километр воняют. Хотя, что им еще в этой дыре то делать, кроме как пить?»

– Аркадий, с тобой побеседует капитан Зафаэль, он по твою душу. Ничему не удивляйся, приказ командования.

Гость не стал ходить вокруг да около, сразу перешел к сути, прокрипев:

– Говорят, вы знаете японский?

– Так точно, – ответил Стругацкий, – окончил Институт военных переводчиков.

– Хорошо язык знаете? – уточнил капитан.

– Прилично, не жаловались.

Зафаэль встал, подошел к Аркадию. Посмотрев пристально своими бельмами ему в глаза, сказал:

– Собирайтесь. Вещей, кроме белья и мыльно-рыльных, не брать. Вас обеспечат.

– Слушаюсь, – отрапортовал лейтенант, взглянув мельком на Берникова. Тот кивнул ему, а Стругацкий развернувшись к выходу подумал: «Ну и дела. Неужели сбылась мечта идиота? Я, наконец, увижу Японию?».

Москва, 1938 год

– Скажи, дорогой, на кого ты все-таки работаешь?

Глаза Сталина сверкали желтыми семафорами, прокуренные зубы скалились, как у дикого зверя. Он стоял, опершись руками о стол, и с гневом буквально выплевывал слова в лицо Кнопмусу.

Тот спокойно достал платок, демонстративно вытерся, брезгливо отбросил его в сторону.

Заметил:

– Не стоит со мной разговаривать в подобном тоне.

Сталин яростно стукнул по столу так, что часть документов и вещей полетели на пол, а чернила выплеснулись на зеленое сукно.

– Это я решаю, в каком тоне с кем говорить. Я! Что ты мне недавно говорил про Хранилище, а? – вкрадчиво зашептал он. – Напомнить тебе? Ни мне лично, ни партии, ни стране, вы не угрожаете! А что вчера была за акция?

– Какая акция? – удивился Кнопмус.

Сталин зло махнул рукой.

– Не надо, не надо. На взлетном поле.

– Иосиф Виссарионович. Только в моём, а вернее в распоряжении Хранилища, около ста подконтрольных аэродромов. И это – лишь по Союзу. Сколько по миру, позвольте, умолчу. Конкретизируйте, с чем связана столь необычная для вас вспышка гнева.

Вождь почувствовал, что переборщил.

Внутренне выдохнув, сел, помолчал пару минут, ожидая, когда перестанет трясти от бешенства. Затем, уже взяв себя в руки, наклонился и поднял упавшую трубку. Набив и раскурив, пыхнул дымом, собрался с мыслями.

– Что было в Тушино вчера, знаешь?

– Конечно. «И—180» Чкалов должен был испытывать. Испытание прервали.

Сталин вновь не выдержал и уже второй раз сорвался, стукнув кулаком по столу:

– Кто?!

– Ну уж, во всяком случае, не я. Если помните, в этот день ваши же ученые слушали мою лекцию в химической лаборатории. Кстати, из пятнадцати человек там было только десять ученых, остальные – чекисты Берии. Спросите у них.

– Спросим, Юрий Альфредович, уже спрашиваем. Все арестованы. А этот, как его, – Сталин изобразил забывчивость и щелкнул пальцами, – такой, мутноглазый и бледнолицый убийца?

– Зафаэль? Ну что вы. Во-первых, он не убийца. То, что по вашей же кстати просьбе, иногда проводит вивисекцию среди партийного аппарата, так только потому, что не считает этих особей за людей. Он – крупный ученый, у него свои интересы в данных акциях. А во-вторых, видимо плохо умеете допрашивать. Зафаэль был в лаборатории вместе со мной. Еще вопросы?

Уже полностью успокоившись, вождь сидел в кресле, откинувшись на спинку, и мирно дымил в потолок. Уняв приступ паники, накотивший еще вчера, с улыбкой сказал:

– Простите, товарищ Кнопмус. Немного погорячился, кавказская кровь, знаете ли. Если не затруднит, расскажите, что же там в итоге произошло.

Абрасакс с ухмылкой спросил:

– Неужели письмо от Берии вам не доставили? Ай-ай-ай. Наверное, секретарь виноват, потерял.

Сталина передернуло, но он сдержался.

– Письмо-то я получил. А вот откуда вам о нем известно? Неужто теперь и в Хранилище идут копии?

Кнопмус чуть наклонился к собеседнику и сощурив свои маленькие глазки тихо сказал:

– Я уже объяснял, Иосиф Виссарионович. Нам не надо перехватывать чьи-либо письма, секретные документы. Нам не надо даже иметь шпионов среди ваших людей. Будет нужно – обо всем узнаем и так. Смотрите сюда.

Кнопмус сжал правую руку в кулак, затем раскрыл ладонь и в ней засветился белый шарик. В нем было видно, как в соседнем кабинете заведующий канцелярией сидит и работает с документами.

Приблизив указательный палец левой руки к сфере – увеличил изображение. Слышно стало даже как шуршат бумаги.

Сжал обратно руку, разжал, и вот в ней уже ничего нет. Затем приложил палец к губам. Сталин понятливо кивнул.

– Снимаю свой вопрос, простите. Но раз так, то вернемся к тому, что же случилось на летно-испытательной станции в Тушино?

– Резон мне делиться с вами информацией? Что предложите взамен?

– А чего хотите вы сами?

Кнопмус встал и одернул френч. Привычно проведя рукой по наголо бритой голове, стал мерить широкими, буквально армейскими шагами, словно на плацу, кремлевский кабинет. Демонстративно изобразив на лице задумчивость, почесал рукой подбородок и, повернувшись к вождю, сказал тихо:

– Взамен ты, Коба, ни разу, никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах, больше не повысишь на меня голос. И учти, если вновь сорвешься, или, не дай разум, вообще вздумаешь пойти против Хранилища, тогда я забуду обо всех обязательствах. Понятно объяснил?

Сталин внутренне кипел, но понимая, что нельзя играть с огнем, внешне изобразил смирение.

– Понятно, Юрий Альфредович.

– Ну и славно. Так вот, – сказал, вновь усаживаясь на стул напротив вождя, Кнопмус, – вчера, когда самолёт уже вырвался на взлётку, к нему, выбив ворота, на бешеной скорости поднеслись три «Паккарда», перегородив дорогу. Чкалов остановил машину и вылез, бешено

матерясь. Внизу его уже ждали трое, в форме сотрудников НКВД. Кто именно это был, установить не удалось. Дело в том, что ваш Ежов давно создавал тайные группы террора, организуя людям и документы, и прикрытие, а затем зачистил все концы. Подозреваю, это были его агенты.

Сталин постучал трубкой о пепельницу, выбивая пепел.

– Он уже не наркомвнудел.

– Но он не забыл, что именно вы довели его жену, Суламифь, до самоубийства. А за сокола небесного вашего не беспокойтесь. Через пару дней испытательный полёт будет повторён. Обещаю, Чкалов из него уже не вернется.

Усмехнулся:

– Вашими молитвами Орджоникидзе теперь не мешается под ногами.

Москва, 1937 год

– А может вы к себе в Хранилище его заберете? – спросил Кнопмуса Сталин, придавливая большим пальцем табак, потянул воздух через мундштук. – Жалко ведь, как-никак тридцать лет дружим, еще в царских острогах познакомились.

– Простите Иосиф Виссарионович, – тонкие губы Кнопмуса скривились в подобие улыбки, – но нас такой товар не интересует. Ученые, творческая интеллигенция, военачальники. А Серго – обыкновенный демагог, ну, может, еще неплохой организатор и верный друг, согласен. Не более.

Отец народов поднялся и прошелся по своему кремлевскому кабинету. Взмахнув рукой с дымящейся трубкой, заметил:

– Одного я боюсь, товарищ Кнопмус. Сегодня вы забираете лучшие кадры, а завтра они же выйдут против партии и Сталина.

– Забираю? Нет, собираю, скорее даже, подбираю, всего лишь подбираю выброшенное. Да и вообще, их, считайте, в живых уже нет. Ведь сами хотели покончить с ними, теперь эти граждане официально мертвы.

– Вы не ответили на мой вопрос, – заметил вождь.

– Поверьте, ни вам лично, ни партии Хранилище не угрожает ни в коей мере. Напротив, кажется, все годы сотрудничества мы только и делаем, что радуем результатами, которые не получить ни в одном другом месте на всей Земле.

Сталин продолжал расхаживать, покачивая головой каким-то своим мыслям.

– На Земле, говорите? Вот и у меня давно возник вполне логичный вопрос. Откуда вы? С Луны? Марса? Венеры? То, что делает Хранилище, я бы определил, как «чудо». Посему есть лишь три варианта. Или вы боги, или колдуны, или жители другой планеты.

Кнопмус засмеялся, вольготно развалившись на стуле.

– Ну, а если – черт с рогами, и забираю в преисподнюю свои покупки?

– Черт с рогами – вещь доступная пониманию, я, как-никак, учился в семинарии. А вот если прибыли с Луны или Юпитера, то тогда, боюсь, что не смогу понять мотивации ваших поступков.

– Товарищ Сталин, эти ваши версии забавны, но ни одна не соответствует действительно, уверяю. Давайте лучше вернемся к дорогому Серго.

Иосиф Виссарионович вздохнул и уселся за стол напротив своего таинственного визави, уставив на него свои желтые рысьи глаза.

– И вновь вы, как обычно, не ответили ни на один мой вопрос по существу, – он подымял трубкой, затем добавил, – иногда я начинаю сомневаться, кто же управляет государством: я или ваш Абрасакс.

Кнопмус доверительно склонился к вождю и прошептал:

– Поверьте, вот уж что действительно не интересно Абрасаксу, так это власть. Во всяком случае, власть – в вашем понимании.

...Проснувшись в своей кремлевской квартире, Орджоникидзе долго лежал в кровати, вновь и вновь продолжая мысленно прокручивать недавнюю ссору с Кобой. Они страшно орали друг на друга, причем почти сразу перешли на грузинский. Поначалу-то Сталин слушал спокойно, зная, что собеседник тихо говорить вообще не умеет, но постепенно завелся и начал кричать сам, а это случалось крайне редко.

«– Серго, охвати все происходящее целиком, а то мыслишь, как тифлисский босьяк!

– Значит, вырезать всю старую, ленинскую, гвардию, это теперь называется государственным мышлением? Что творит безумец Ежов, ты вообще знаешь?

– Привязались с этим Ежовым! Только и слышу: Ежов-Ежов, Ежов-Ежов. Сдался он вам. Работайте спокойно.

– Работайте? Ты говоришь «работайте»? Да я только соберу группу специалистов на завод, через неделю половина из них – уже в его подвалах! Ты печешься о производстве? Какое, вообще, может быть производство? Новые танки или трактора – кто, чекисты ежовские будут проектировать? Ладно проектировать, даже просто – собирать?»

Коба послал к черту, сказав: выступи на Пленуме с предложением снять мерзавца Сталина и его подручного убийцу Ежова. Серго хлопнул дверью, ушел к себе, их квартиры в Кремле были рядом.

«А может он и прав, – размышлял Орджоникидзе, – конечно, против друга я не пойду, а вот обратить внимание на работу органов просто необходимо».

Тяжело поднялся, сказывалось подорванное еще на царских каторгах здоровье, и прямо в кальсонах прошел в кабинет к письменному столу, где лежали бумаги с докладом к предстоящему через пару дней Пленуму ЦК.

Корпел над каждой буковкой долго и с увлечением, иногда заглядывая к себе в записи, припоминая фамилии и даты, как-никак под началом были тысячи людей в Наркомате тяжелой промышленности. Передовой отряд строителей социализма.

С сожалением поглядел на старый доклад, потом усмехнулся и махнул рукой. Ну и что, что столько времени потратил, зато в новом документе острейшие вопросы поднять сумел. Не испугался на этот раз.

В дверь квартиры постучали. Он накинул шинель, пошел открывать. На пороге стояла дочь.

– Папа, твои газеты.

– Спасибо, Этери, беги.

Закрыв дверь, двинулся было заканчивать работу, но тут вновь раздался стук. Подумал: «Малышка что-то забыла сказать».

Вернулся, но вместо неё увидел смутно знакомого мужчину, в форме майора госбезопасности. Серго не мог припомнить где, но точно видел его. Он был словно человек без лица, типичная «охранка», но примечать подобных стало привычкой еще с царских времен.

– Товарищ Орджоникидзе, у меня для вас документы к предстоящему пленуму от товарища Сталина. Разрешите войти?

– Да, пожалуйста.

Он посторонился и пропустил посетителя внутрь. Тот, не глядя, направился в кабинет, будто бывал тут уже не единожды.

Когда Серго прошел за ним и увидел дуло нагана, он все понял.

Все прошло как обычно гладко, работал профессионал. Промаха и быть не могло, аккуратно в сердце.

Еремеев положил, как и было приказано, оружие рядом с телом и вышел.

Спустя несколько минут дверь квартиры приоткрылась и зашел человек с восточными чертами лица, иссиня-бледной кожей и бесцветными глазами. Подойдя к убитому, он поднял пистолет и, осмотрев его, убрал в кожаный портфель.

Затем наклонился над телом убитого, провел над раной ладонью вверх, словно сжимая её. Кусочек свинца выскочил, будто намагниченный. Незнакомец прислонил к месту выстрела палец, зарастил рану и впитал в него натекающую из пулевого отверстия кровь.

Подойдя к столу, осмотрел бумаги Орджоникидзе. Увидев открытую папку с незаконченным текстом, пролистал за секунду и засунул к себе в портфель.

Напоследок мельком глянув своим истинным зрением, нашел на уровне микрочастиц пару следов своего пребывания. На всякий случай стер их, хотя ни один криминалист все равно ничего найти бы не смог.

Но потомкам тоже не стоит знать.

Войдя в кабинет Сталина, Зафаэль обратился к сидевшему в кресле Кнопмусу:

– Всё сделано, как и просили, – и повернувшись к вождю добавил, – можете идти осматривать тело. Вы были правы. Он писал доклад.

Казахстан, поселок Кенгир, 1954 год

...Меры безопасности были беспрецедентными. Оцепление вокруг барака в три ряда с отборными головорезами, прошедшими огонь и воду.

Оружие наготове.

Мимо тенью двигались бывалые офицеры, еще и еще раз, проверяя наряды.

Подъехал старенький армейский «Виллис», чудом оказавшийся в этом тьмутараканье, и конфискованный в связи с проведением операции для нужд разведки. Из него выпрыгнули двое в штатском и аккуратно, под руки, вывели кого-то, судя по одежке – заключенного, с джутовым мешком на голове.

Странную компанию пропустили без всяких вопросов, они тихо юркнули за дверь.

– Разрешите, товарищ генерал?

Тот молча кивнул и оглядел гостя, с которого уже стянули мешок.

Осунувшийся, серый на лицо, как и затасканная рубашка на нём, перед ним предстал Кнопмус. Легенда и ужас советской разведки, ночной кошмар любого политика.

Серов повел волевым подбородком, агенты пуль вылетели из барака. Бывший заключенный посмотрел на закрывшуюся дверь, а затем вытянувшись, шутиливо отрапортовал:

– Товарищ генерал, разрешите доложить, задание выполнено.

Первый председатель Комитета Государственной Безопасности Иван Александрович Серов отличался сухостью и сдержанностью в общении с подчиненными. В присутствии же сильных мира сего никогда не вел себя как человек замкнутый, напротив, был слегка навязчив.

– Юрий Альфредович, это мне впору вам докладывать, – улыбаясь, сказал он и крепко пожал собеседнику руку. – Для меня честь наконец-то познакомиться лично. Может быть, хотите перекусить? Я попросил ребят на всякий случай накрыть маленький скромный столик, наверняка, устали?

За его спиной, действительно, были закуски явно не из лагерного рациона. Дымилось блюдо с аппетитными кусками мяса, звенели серебром вазочки с икрой, блестели свежие овощи и фрукты, а посередине в кастрюльке плавилось масло на отварной картошке. Завершала картину запотевшая бутылка водки и две хрустальных рюмки на тонких ножках.

– Не откажусь, – сказал Кнопмус и элегантно уселся на заботливо пододвинутый генералом стул.

Серов, оставшись стоять, налил им водки. Чуть склонившись, протянул бывшему зеку рюмку.

– За ваше возвращение, Юрий Альфредович.

Они чокнулись, выпили, и внезапно Кнопмус шелкнул пальцами, будто вспомнил нечто важное.

– Иван Александрович, не в службу, а в дружбу. Тут такое деликатное дело, о нем только мы с вами должны знать. Мне нужно, чтобы через третьи руки была организована слежка за одной женщиной, находящейся в этом лагере. Сделать это нужно деликатно, она не враг. Просто, вполне возможно, представляет интерес для Хранилища, а у меня нет времени заниматься подобными мелочами. Не затруднит?

– Ну, о чем вы говорите, – всплеснул тот руками, – возьму под личный контроль ситуацию, обозначьте только сроки, задачу и объект наблюдения.

Кнопмус задумчиво почесал кончик носа, слегка покачал головой и ответил:

– Сроков нет, но, чем скорее начнете – тем будет лучше. Задача: выяснить об объекте все. Буквально все. Вплоть до анализов крови и... ну, вы поняли. Кто она, чем занималась раньше, как и за что оказалась в лагере. Если её сюда отправили ошибочно – пусть тихонечко, без шума, выпустят. А вы за ней, на мягких лапках. Куда пойдет, о чем будет говорить... Отчеты должны быть подробными, денег на технику не жалеть. Обозначьте интерес так, что, мол, женщина с задатками ученого мирового уровня. А объект... что ж, зовут её Мария-Жанна Иосифовна Кофман. Да, и еще, по дороге я передал вашему помощнику список агентуры, которая нам пригодится. Там и бывшие костоломы Ежова, и просто отмороженные бандиты... не сердитесь, попросил их пока не расстреливать. Утвердите – не пожалеете.

Генерал делал быстрые пометки карандашом в небольшую записную книжку.

– У вас интересные пальцы, и интересный почерк, – заметил Кнопмус. – Балуетесь литературным творчеством? Дневник, небось, ведете?

Тот вздрогнул.

– Да не переживайте, это будет нашей маленькой тайной. Налейте-ка еще по одной и приступим к закускам, я действительно немного проголодался.

Когда Иван Александрович разливал спиртное, руки его слегка тряслись. Обернувшись к собеседнику, он, чуть прищурившись и склонив набок голову, поинтересовался:

– Не против выпить за нашего общего друга Никиту Сергеевича?

– Хрущева я вряд ли бы стал называть своим другом. Да и вам рекомендую держать ухо востро. Но выпить за него можно, почему бы и нет?

– Он прислал за вами персональный самолет, но это так, мелочи, – недовольно пробурчал Серов.

Кнопмус опрокинул рюмку, взял кусок сочной баранины и стал аккуратно нарезать у себя на тарелке. Заметил:

– Вы не забыли, кстати, что меня еще должны расстрелять, причем публично, вместе с остальными зачинщиками?

– Такое забудешь. Нет, все почти готово, Юрий Альфредович.

– Хорошо. И последнее. Предупредите пилотов, что планы меняются. Мы не полетим в Москву.

– А куда же?

– Мне нужно в Новосибирск. И вам тоже. Необходимо повидаться с Зафаэлем. Ему скоро предстоит командировка на Камчатку, и будет нужна ваша помощь. Считайте, что вытянули счастливый билет – нас ждет Хранилище.

Новосибирск, 1985 год

– Сфотографируйте, пожалуйста, еще вот здесь и здесь, – следователь указал на интересные его места штатному фотографу и подошел к курившему неподалеку сотруднику Института, о чем-то тихо болтавшем с Черным Полковником.

– Позвольте, товарищи, я вас отвлеку ненадолго. Собственно, у меня всего два вопроса: как подобное заведение могло находиться на балансе государства аж с 1918 года, и почему вдруг ваши организации так резко вместе им заинтересовались?

Действительно, здесь было чему удивляться.

Воинская часть, где они находились, была оснащена не просто по последнему слову техники, она была образцовой. Ракетные комплексы С—300, танки Т—80У, взлетно-посадочная полоса и примыкающий к ней ангар с двумя вертолетами Ка—29, одним Ми—28, тремя истребителями Су—27 а также неуместным здесь американским GPHB с салоном, оборудованным под запросы миллиардера-сумасброда.

Идеально вычищенный плац.

Свежевыкрашенные казармы с заправленными койками внутри и закрытыми, но укомплектованными оружейными комнатами.

И ни единого человека.

– На вашем месте, коллега, – прошелестел Черный Полковник, – я бы не стал ломать голову, а принял бы на баланс Министерства Обороны данное место. Позвольте нам самим разобраться в этом вопросе.

Хмуро взглянув на скрытого под тяжелым балахоном – словно древний монах -полковника, следователь сухо отрубил:

– Хотите вы того или нет, закон есть закон. И действовать я буду в соответствии с ним. А вот ваши ответы, по существу, мною так и не были получены.

Сотрудник Института, ранее представившийся как «позывной Бача», подмигнул:

– Да что ты у этого назгула спрашиваешь, у них даже имен своих нет, странно что вслух говорить не разучились. Слушай сюда, братишка. Есть такой зверь – военная тайна. У меня там в машине бумажка лежит о неразглашении, распишешься потом. Так вот, твоя задача – все зафиксировать, проверить на предмет наличия следов преступлений, совершенных на объекте и тихо исчезнуть. Андестенд, как говорят французы?

– Нихт ферштейн, – грубо оборвал его следователь, – подписка подпиской, а объяснения вы обязаны дать.

Из-под капюшона послышался вздох:

– Я ведь тебе говорил, давай сами разберемся.

Бача лишь махнул рукой:

– Да погоди ты. Для чего реформы в стране затеяли? Чтобы клыки на улыбку поменять? Он прав, закон есть закон, – и, повернувшись к следователю, сказал, – я отвечу на любой ваш вопрос, но помните, с этого момента вы находитесь под подпиской о неразглашении. Мне прямо сейчас сходить за бумагами или дадите слово офицера?

Тот кивнул.

– Ну вот и ладушки. Спрашивайте.

– Что это за место?

– Объект «Хранилище». Здесь располагалась база одного мерзавца, который десятилетиями вертел весь ЦК на причинном месте, по фамилии Кнопмус.

– Откуда здесь вся эта техника, в особенности, С—300 с ядерными зарядами?

– Неужели непонятно? Оттуда же, спецраспоряжениями ЦК выдана.

Следователь хмуро поинтересовался:

– Насколько я понял, вы давно знаете об этой шарашкиной конторе и молчите?

– Лично я не так уж давно узнал, в чем цимес, – заметил Бача, – а вот Орден Черных Полковников точно в курсе был с момента своего появления. Собственно, Андропов для того его и создал, чтобы этих жучил кнопмусовских прищучить. И сейчас вы находитесь, так сказать, в финальном акте многолетнего спектакля.

– Ну хорошо. Тогда другой вопрос: а где этот Кнопмус теперь?

На этот раз ответил Полковник:

– Боюсь, что до него вам не добраться, как нам не добраться до самого «Хранилища», здесь всего лишь входная дверь, а ключа у нас нет. И нет никаких гарантий, что эта дверь – единственная.

Петропавловск-Камчатский, 1954 год

Несмотря на то, что служил здесь давно, Аркадий не переставал поражаться удивительной красоте этого «края земли». Вслушивался в крики чаек, смотрел на проплывающие мимо сопки, на виднеющиеся вдали вулканы, которые местные жители любяще называли «домашними».

Их странный небольшой кораблик, по форме похожий больше на спасательный круг, двигался с ошеломлявшей скоростью. Палуба была завалена канатами, а на корме стоял странный агрегат, накрытый брезентом. Опыт службы подсказывал Аркадию, что это какое-то оружие.

Из рубки высунулся боцман, которого капитан Зафаэль ранее отреккомендовал Героном. «То еще имечко-то, видать, иностранец», – подумал тогда лейтенант.

– Не тошнит тебя? – крикнул Герцион.

– Пока нет, – ответил Аркадий, хотя, откровенно говоря, хотелось прилечь.

– Давай, иди в каюту, на моем корыте тошнить будет и самого господа бога.

Аркадий последовал совету и спустился по трапу вниз. На одной из двух лавок, вытянув ноги, уже лежал Зафаэль.

Пока шли сборы, успели перейти с Зафаэлем на «ты» и даже выпили порядочно спирта, так что теперь Стругацкий чувствовал себя разомлевающим.

Решил вздремнуть. Стянул сапоги, снял куртку странного покроя, выданную капитаном, и положил ее под голову.

Зафаэль открыл глаза и повернул к Аркадию голову.

– Хорошо тебя выучили, умеешь не задавать лишних вопросов, хотя я вижу, что до чертиков интересно, куда и зачем мы идем.

Стругацкий набрался наглости и ответил.

– Один мой знакомый майор, на случай подобных ситуаций, учил меня: «Не ссы против ветра».

Зафаэль засмеялся.

– Я даже знаю, как зовут этого майора. Молодец, хвалю за откровенность и смекалку. Теперь давай-ка проверим, насколько хорошо ты знаешь японский. Выдай мне что-нибудь.

– Например?

– Ну не знаю. Скажем, за окном хорошая погода, мне месяц светит с небосвода. Можешь не в рифму.

Аркадий без запинки отчеканил фразу на японском.

– Молодец, тянешь. Теперь слушай внимательно, старлей.

Тот внутренне подобрался, догадываясь, что сейчас откроют если не все, то хоть какие-то карты.

– Скоро прибудем в одно интересное место. Там встретим человека. Возможно, придется его подождать, от ситуации зависеть будет. Так вот, твоя задача: выслушать, что он скажет и запомнить. Слово в слово. И сразу перевести мне. Приказ понял?

– Так точно, – отозвался Аркадий.

– Когда придет время, я тебя подниму. А теперь – спать.

Аркадий мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений. Зафаэль подошел к нему, проверил пульс, поправив голову на свернутой куртке, и вышел из каюты.

– Можно перемещаться, он спит.

Герион сидел в капитанском кресле и смотрел на океанские волны, крутя в разные стороны головой, будто в поиске чего-то. Угрюмо проворчал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.